

ПРОБУЖДЕНИЕ

PROBUZDENIE

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

PROBUZHDENIE

64-197 9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 32—34

МАРТ—МАЙ, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Одумайтесь, пока не поздно! М. НЕТТЛАУ. Федерализм и централизм. ЖАН ГРАВ. Еще об индивидуализме. А. КАРЕЛИН. Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи. (Статья вторая). МУРОМЕЦ. О наших разногласиях. РУДОЛЬФ РОКЕР. Современные проблемы анархизма. ПЕДРО ГОРИ. Чего добиваются анархисты. АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Борьба за свободу. (Статья вторая). Л. ЛИПОТКИН. М. Корн. Э. МАЛАТЕСТА. Что такое Анархия? АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Для кого рабочий трудится? Э. МАЛАТЕСТА. Несколько слов по поводу невооруженности языка. Р. БОРГМАН. Несколько слов об наших общих задачах. СТИХОТВОРЕНИЯ. ЭРРИКО МАЛАТЕСТА. О революции. Мелкие заметки и сообщения.

Одумайтесь, пока не поздно!

НИКОГДА ЕЩЕ, со времени 1914 г., международное положение не было настолько опасным, как теперь.

Война и фашизм угрожают человечеству массовым разрушением.

На Дальнем Востоке и в Южной Америке война уже совершившийся факт.

Напряженное состояние в Европе усиливается с каждым днем.

Лига Наций безпомощна.

Вторая мировая война надвигается со всех сторон.

Дикий национализм, ввергший народы в пропасть в 1914 году, распространяется подобно сумасшествию.

Фашизм, финансируемый международным вооруженным капитализмом, — стремится к уничтожению Европы и выявляет дя-

вольскую страсть к пыткам и убийствам.

Возбуждают в человеке самые низменные инстинкты и дают им выход.

К ЧЕМУ ЭТО может привести? Должна-ли Европа, должен-ли весь мир погибнуть в новой войне?

Должна-ли молодежь снова истекать кровью на полях брани?

Должны-ли миллионы молодых людей спать калечить друг - друга?

Должны-ли люди с воздуха поджигать чужие города, изводить ядовитыми газами женщин и детей?

Явится-ли все это еще раз выражением высших усилий и священных чувств, одушевляющих народы — их религию, героизм и цивилизацию?

МОЛОДЕЖЬ! Мужчины! Женщины! Подумайте! Пока еще не поздно!

Поймите, что империализм, вызвавший мировую войну, является также причиной безработицы и нужды, доводящей до отчаяния.

Поймите, что никто ничего не выиграет от войны кроме амуниционных фабрикантов и пищевых спекулянтов.

Только безграничное невежество и преступное сумасшествие могут видеть в войне спасение.

Современная, воздушно - газовая война против беззащитных женщин и детей, против малюток и стариков неслыханное коварство, жестокость и подлость.

Ни в коем случае не принимайте участия в этом мерзком и преступном человекоистреблении.

РАБОЧИЕ! Солдаты!

Покажите вашу мощь и вашу ответственность!

Используйте силу труда для предупреждения войны.

Организуйте военное сопротивление войне.

Организуйте генеральные забастовки.

Организуйте индустриальный антимиитаризм.

Противодействуйте военным транспортам.

Останавливайте фабрики, работающие на войну!

ВРАЧИ, инженеры, интеллигенты!

Не отдавайте ваших знаний на службу убийству и разрушению. Окажите решительное сопротивление пока еще не поздно. Используйте ваши знания, вашу цивилизацию на борьбу с военной горячкой.

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ для совместного действия!

Поднимайтесь против безумного милитаризма.

Поднимайтесь против фашизма и войны!

Поднимайтесь против кровавого интернационала военной индустрии.

Поднимайтесь за международную солидарность народов.

Поднимайтесь за Жизнь, Цивилизацию и Справедливость.

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКОЕ БЮРО ПРОТИВ ВОЙНЫ И РЕАКЦИИ.

М. НЕТТЛАУ.

ФЕДЕРАЛИЗМ И ЦЕНТРАЛИЗМ

ИЗ НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ каждой органической части со всей совокупностью вселенной, — связи, проявляющей себя в направленных к самоутверждению действиях, — возникают все колебания между автономией и солидарностью, индивидуализмом и социализмом, изоляцией и организацией, национализмом и братством людей, а также между тем, что именуется федерализмом и централизмом. В той степени, в которой органические части сосредоточены на самих себе и являются самостоятельным микрокосмосом, они отказываются от слияния в коллективы, лишённые даже кажущейся независимости. Однако, предоставленные самим себе, оставаясь в полнейшей изоляции, они хиреют и засыхают, подобно капле воды, целиком испарившейся. Между тем, соединение многих таких капель имеет некоторые шансы на длительное существование, хотя, разумеется, существовать бесконечно они не могут, а могут только обновляться — путем превращения в пар, в индивидуальные капли, которые в свою очередь снова превращаются в потоки и моря — и так происходит вечный круговорот.

Мы можем, таким образом, сделать заключение, что такова природа, и что ничто не существует и не может существовать, оставаясь устойчивым и, вместе с тем сохраняя свою односторонность. Не может существовать капля воды, как не может и море вечно хранить безконечное число капель, если оно не жертвует соответствующим количеством их, чтобы дать им возможность вести опять независимую жизнь, а затем вновь воссоединиться с коллективом. Одним словом, изоляция невозможна, и то, что кажется изоляцией, оказывается или временно самоудовлетворяющей единицей, обладающей ограниченной продолжительностью жизни, или единицей, обречённой на разорение от истощения. Между двумя полюсами притяжения и отталкивания каждая частица материи существует вечно, обычно образуя на первых порах маленький мир вокруг себя, родственные себе частицы материи, и затем это ма-

ленькое целое отталкивается от одних внешних влияний, притягивается другими и соединяется с более крупными единицами или же вовлекается — вольно или невольно — в более значительные коллективы. В этом последнем случае они могут переживать процессы брожения, возставать и освобождаться рано или поздно от несвободы.

Не могла быть иная и судьба самого человечества, которая в ранние времена представляла собою безпомощное стадо, затем жило группами, сосредоточивавшимися вокруг женщин (матриархат), затем меньшие группы сосредоточивались вокруг мужчин (патриархат, семья) в качестве первоначальных единиц. Эти группы соединялись с другими группами данной местности, с племенем, ибо лишь такие, более крупные единицы могли обеспечить себе относительную безопасность, выгоды сотрудничества (совместная обработка земли и проч.), культурный прогресс (обмен услугами по мере развития разделения труда и т. д.). От этих зачатков культуры и до настоящего дня индивид и общество остаются неотделимыми, но их взаимные отношения сильно изменяются, и в настоящее время мы все сильнее чувствуем, в каком именно направлении эти отношения должны улучшаться и какие препятствия стоят на этом пути.

Федерализм и централизация являются выражениями желаний сделать сотрудничество людей возможно более продуктивным в каждом отдельном случае. Ни федерализм, ни централизация не являются решениями сами по себе и могут существовать отдельно друг от друга. Полная федерация была бы агрегатом автономий, совершенно неравных федераций, не обещающих плодотворного сотрудничества в коллективе. Полная централизация была бы системой всеобщего принуждения для раз'единённой массы, лишённой индивидуальной энергии. Федерация, основанная на солидарности, предполагает волю и желания наиболее сильного, богатого и прогрессивного, направленного к помощи слабейшему, беднейшему и отстающему. Она

таким образом является в моральном смысле образцом централизации, признанием всеобщей воли и всеобщего благополучия высшими благами, чем индивидуальная воля и индивидуальное благополучие. Централизация, равномерно применяемая, становится нелепой и бесплодной. Если она желает жить, то должна признать разнообразие местных потребностей; другими словами, она должна морально вдохновляться федерализмом. Мы не можем уйти от этих упрямых фактов, как не можем уйти и от индивидуализирования и коллективизации тенденций решительно во всем. Выход отсюда состоит в надлежащей пропорции обоих факторов в данном организме.

Пропорция является великой естественной необходимостью, регулирующей жизнеспособность и выживание организма. Человек уже научился познавать ее в своих технических и эстетических произведениях — теперь очередной задачей нашей является умение применять ее в области общественной жизни. В этом деле анархисты являются наиболее приспособленными для того, чтобы указывать путь. Почти из каждой аморфной клеточки и агрегатов таких клеточек, путем чисто материального размножения, выросли те гигантские пресмыкающиеся раннего геологического периода и становились все крупнее и крупнее. Таким же путем выросли травы и растения, и гигантские деревья, но все это оказалось непропорциональным по отношению к ограниченным естественным ресурсам земного шара и могло только идти к упадку и исчезновению. В то же время дифференцированные формы животных и растений распространялись, пресмыкающиеся превращались в птиц, цветы развивались на ранее не знавшей цветов земле, а неприспособленные существа ранних периодов голодали и погибали. Одному из существ, развившихся позднее других, именно человеку, удалось там и здесь превратить часть земного шара в сад, в истинный рай, в то время, как во многих других частях земли, вплоть до сего дня, человек превращал землю в ад и подражал созданию своего собственного воображения, — Богу, метая адский огонь с небес на Шанхай и другие места земли, подобно тому, как Бог поступил

с Содомом и Гоморой: это — еще один пример неуравновешенности, возникающей из отсутствия моральной пропорции.

Технически, употребление инструментов и оружия обучало людей пропорции. Обезьяна, размахивающая ветками дерева, как оружием, или для того, чтобы сбить орехи с веток, на опыте научалась, что это орудие или инструмент должны иметь соответствующие размер и твердость, чтобы отвечать своему назначению. Идя этим путем опыта, первобытный человек, научившись применять огонь и т. д., теми же приемами стал строить для себя дом, готовить пищу и постепенно развивался в более высокий тип человека, создавал эстетические идеалы, правила социального поведения и первые представления о нравственности. Во всем этом ему приходилось выбирать и решать, где именно должны быть границы механического увеличения и останавливаться там, где расширение и размножение приводили только к непригодности и бесполезности. Такие границы оказывались и в деле насильственного присоединения территорий, создания универсальных монархий, спустя некоторое время распадавшихся по мере возникновения монопольных богатых торговых центров; каждый из этих центров, в свою очередь, имел свой день величия, после которого наступало падение и разрушение. Такие границы встречала тирания, для которой рано или поздно наступала гибель, такие же границы оказывались и для религий, — а победительницей всех их была неодолимая сила прогресса, делающая застойные формы жизни непрактичными и приносящая разрушение повсюду, где люди пытаются поддерживать в них жизнь искусственным путем.

Машины сделали устаревшими все формы самодавлеющей местной и домашней жизни и долгое время были силой централизующей. Но на протяжении жизни последних двух поколений машины настолько распространились по всему земному шару, что старые промышленные центры увидели рождение новых центров, и борьба за жизнь и смерть между первыми и вторыми явилась одним из важнейших последствий нынешнего промышленного кризиса. Был предел готовности людей покупать продукты машин-

ного производства почти исключительно в крупных центрах, был предел также готовности рабочих быть целиком поглощенными жизнью промышленных городов и отказаться от зеленых полей и свежего деревенского воздуха. Короче говоря, в то время, как старые центры все еще очень могущественны, их дни все-же сочтены, ибо они не могут помешать стремлению к более гармоничной, независимой и целостной, т. е., более планомерной жизни. Фурье, Роберт, Оуэн и Кропоткин видели это тяготение к более гармоничной жизни. Замеров на время под всепобеждающим напором машин, это стремление пробуждается и проявляет себя в воле к децентрализации, автономии, обновлению домашней жизни, к природе и красоте, к личной свободе и к интеллектуальному и моральному самоопределению.

Машины и та сила, которая ими движет, сами указывают путь. Еще сорок лет тому назад Кропоткин понял, что, подобно тому, как паровой двигатель вызвал такое огромное усиление централизации, электричество, наоборот, положит начало веку децентрализации. Ручная работа, первобытные инструменты и некоторые местные машины прежних веков — концентрированная промышленность с ее мощными паровыми машинами, прикрепленными к данному месту — центры добывания электрической энергии, распределяющие ее на огромных пространствах, покрытых городами и деревнями и содействующие промышленной и земледельческой работе — таковы три монументальные стадии в истории человечества. Период усиленной централизации длился недолго и теперь в муках умирает, причиняя великие страдания, но, тем не менее, теряя почву под собой. Очень возможно, что наступающий период принесет с собой больше возможностей в деле добычи местной движущей силы и таким путем уменьшит необходимость в передаче ее из отдельных центров. Когда это случится, то последние препятствия к гармонической, местной жизни, солидарному анархизму, должны будут пасть среди мыслящих людей.

Политически, государство было создано для обслуживания всех интересов, связанных с соответствующим общественным строем, и

для их защиты. Государство вплоть до 18-го века, а в некоторых странах даже того позднее, обычно воздерживалось от вмешательства в местную жизнь населения: не существовало признанного федерализма, но под именем старых провинций, свободных городов, владений местных династий и т. д., существовало большое разнообразие обычаев, правил, даже законов, некоторых местных прав и привилегий. В сущности, на практике, федерализм существовал, хотя между ним и монархом возникали постоянные разногласия, а иногда возникала и открытая борьба. Средневековому монарху приходилось считаться с очень немногими местными факторами повсюду — с баронами, епископами, городскими советами и т. д. прежде чем ему удавалось получить подати и оброки деньгами, военной помощью и проч. С возникновением парламентов центральная власть оказалась под их контролем и ее авторитет часто оспаривался. Стюарты в Англии погибли при попытке подавить волю местного населения, Людовик XIV в ту же эпоху сумел, однако, сокрушить местную власть, но, 100 лет спустя Людовик XVI взмошел на эшафот в 1793 году, подобно тому, как Карл I был казнен в 1649 году, а последний из Стюартов был изгнан в 1688 году, как последний из французских Бурбонов был лишен трона в 1930 году и, наконец, как испанский Бурбон, был низложен в 1931 году. Парламентаризм своей основной сущностью означал защиту местной независимости против королевской централизации. Соединенные Штаты возникли и провозгласили Декларацию Независимости в 1776 году во имя как раз этой цели, подобно тому, как Швейцария освободилась из под власти средневековой Германской Империи, а Нидерланды из под власти королей Испании именно в борьбе за местные права против центральной власти.

Такие победы над центральной властью не привели, впрочем, к подлинному федерализму. Конституции Швейцарии, Нидерландов, Англии 1688 г. и Соединенных Штатов очень далеки от истинного федерализма. Объяснение этого заключается в том, что победившие местные силы преклонялись перед единством государства, полезным для тех, кто хотел, чтобы местная промышленность

снабжала своими продуктами возможно более обширные внутренние рынки и продавала бы их за границу под защитой флага могущественного государства. Таким путем сами парламенты становились централистскими, прямыми представителями государства, сокращавшими местную власть повсюду, где только можно было и поддерживавшими местные привилегии и права, только в форме единичных злоупотреблений и подкупности. Стремление рабочих к парламентскому представительству действовало в том же направлении — к централизму: для них парламент никогда не казался слишком могущественным и централизованным, ибо социалдемократические вожди убедили их в том, что завоевание парламента означало завоевание государства и победу над капитализмом. Федерализм, таким образом, был ослаблен, урезан, почти изгнан отовсюду со времени Французской Революции, на протяжении всего 19-го века и вплоть до сего дня: с точки зрения широкого развития промышленной жизни и борьбы за расширение торговли, а равно и в понимании государственных социалистов и, наконец, с точки зрения современной России, необходимом всемогущее государство, считающее федерализм государственной изменой и посягательством на его универсальное всемогущество. Это мощное орудие власти — государство — создано было таким образом и отточено в угоду промышленным и торговым интересам. Оно питается и поддерживается авторитарными социалистами, надеющимися овладеть им единым взмахом, как это было в России осенью 1917 года, и затем использовать его.

Федерализм, таким образом, должен был бороться за существование на протяжении всего века капитализма и государственного социализма, когда даже примитивный либерализм встречал на своем пути ожесточенных врагов. На наших глазах эта эпоха завершилась 10 лет тому назад победой итальянского фашизма, не говоря уже о других диктаторских режимах во многих европейских и американских странах. Много было причин, объясняющих это временное поражение бесспорно привлекательной прогрессивной концепции человеческого общежития; главные причины коренятся, однако, в харак

тере самих федералистов.

Только свободные общества могут искренно федерироваться между собою т.-е. поддерживать социальную и политическую жизнь, основанную на местных особенностях и склонностях, только такие общества могут сами давать пример солидарности и ждать того же от других свободных обществ, организованных в том же духе, хотя и по иным планам. Между такими обществами должно быть некоторое сходство в смысле уравнивания жизненных условий, настроений и характера. Такое сходство существовало в средние века среди альпийских областей в Швейцарии, где пастушескую жизнь вели почти все. Такое же сходство наблюдалось среди множества средневековых городов, причем это сходство не сопровождалось борьбой торговых интересов. Наконец, подобное же сходство существовало между крестьянскими коммунами в некоторых горных областях ранней Испании. В других местах федерации охватывали только провинции или малые государства с ограниченными пределами солидарности. Здесь оппозиция центральному правительству не всегда носила прогрессивный характер, чаще всего она носила реакционный характер, как например, в Вандее, в Баскских провинциях, во многих германских княжествах, в наиболее отсталых частях прерий Австрии, а также в тех частях этой страны, где преобладал национальный фанатизм. В 1868 году, когда парламент издал закон об обязательном прохождении 8-летней элементарной школы для всего населения в упомянутых отсталых областях страны, то поны, стремясь к преобладанию церковной школы над светской, стояли за шестилетнюю школу, и это было очень федералистично, но вместе с тем и очень реакционно. Лет 40 тому назад, когда бой быков был введен в южной Франции и вскоре запрещен был там, согласно общегосударственным законам, то это почиталось оскорблением федералистических чувств Юга, и там возникли бунты. Элизе Реклю писал по этому поводу: ... «Не позор-ли это, что жестокая страсть к зрелищу боя быков овладела столькими городами Юга, и что их старый дух независимости восстал против центрального правительства, вина которого состояла в том, что

оно хотело применить для защиты животных законы, изданные в 19-м веке, — законы, которые, по правде сказать, никак не могут быть названы драконовскими».

Бакунин не поколебался написать в своем оправдании федерализма («Медведи Берна и медведи Санкт-Петербурга», Февраль, Март 1870 года).

«Швейцария стоит сейчас перед дилеммой:

Она не может желать отодвинуться назад, к своему прежнему режиму, к режиму политической автономии кантонов, который сделал из них конфедерацию политически самостоятельных и друг от друга независимых государств. Восстановление такой конституции (отмененной в 1848 г.) неотвратимо повлекло бы за собой обеднение Швейцарии, положило бы конец всем крупным экономическим достижениям, сделанным ею, ибо новая централистская конституция опрокинула все преграды, отделявшие и изолировавшие кантоны. Экономическая централизация является одним из существенных условий развития благосостояния, а такая централизация была бы невозможной, если бы политическая автономия кантонов не была уничтожена.

С другой стороны, опыт двадцати двух лет (1848—1870) доказал нам, что политическая централизация также губительна для Швейцарии. Она убивает ее свободу, угрожает ее независимости и делает из нее рабленного жандарма всех могущественных деспотов в Европе. Уменьшая ее моральную силу, она подрывает также и ее материальное существование».

Бакунин продолжает: «Что же в таком случае сделать? Идти назад, вернуться к политической автономии кантонов — вещь невозможная. Сохранить же политическую централизацию — нежелательно.

«Дилемма, таким образом поставленная, допускает одно единственное решение: уничтожение всех политических государств, кантональных и федеральных штатов, и преобразование политической федерации в экономическую федерацию, в национальную и интернациональную федерацию.

«Такова цель, к которой в настоящее

время явно движется вся Европа».

Бакунин, как показывает его строгое осуждение Южно-Американской Конфедерации, не признавал обращения к федерализму во имя эгоистического или ретроградного интереса. Такие интересы являются вызовом человечеству. Именно из таких интересов исходят все государства, большие и малые, считая себя вправе делать это внутри их государственных границ и, кроме того, в качестве независимых организмов, навязывать свои требования другим, если они это в силах сделать путем войны и завоеваний. Никакие безразличные привилегии не могут исторгаться во имя федерализма, иначе это прекрасное слово только покрывало бы любой недостойный акт. Прогрессивный дух человечества может быть очень терпимым в отношении ритма прогресса, который не всегда бывает одинаково быстрым, но он не может допустить того, чтобы прогрессу приносился ущерб во имя автономии, иначе ему пришлось бы подчиниться требованию любого тирана, как только он выразил бы желание, чтобы никто не покушался на его самодержавие.

Этот вопрос совершенно не является вопросом для искренних прогрессистов, хотя он легко может быть извращен и на самом деле извращается софистикой фабрикантов общественного мнения, в интересах тех, кто стремится расширить свою власть и завоевания. Исходя из таких именно побуждений создавались все колониальные империи — Египет, Южная Америка, Марокко — все, они были захвачены насильно, Австро-Венгрия была разрезана на куски, Россия была подвергнута блокаде и вооруженной интервенции. Япония сейчас цивилизует Китай с помощью бомб, и, фактически, буржуазия повсюду стремится «цивиловать» рабочих, держать их в подчинении, брать на себя заботу об их деньгах, в то время, как церкви цивилизуют народ, а правительства и печать также занимаются цивилизаторством, и т. д., и т. д.

Это всеобщее вмешательство одних людей в дела других, в интересах многих темных, нечестных и постыдных целей подвергается общему нашему осуждению, но чего

мы не можем сделать, это дать федеральным учреждениям право не допускать вмешательства в свои дела. Тот, кто претендует на подлинную свободу от вмешательства, должен знать, как действовать, чтобы не повредить подлинным общим интересам человечества. Но все эти вопросы все еще стоят вне круга действий истинных гуманистов, ибо всякая политика является областью заинтересованных сфер, как промышленных, так и финансовых, областью страстей, возбуждаемых правительством и печатью, областью бездушных дипломатов и плохо осведомленного, зараженного предрассудками общественного мнения.

При таких обстоятельствах искренняя федерация между государствами никогда не становилась актуальным вопросом, и там, где существует номинальная федерация внутри государства, она никогда еще не была в состоянии предупредить гражданскую войну, как, например, в Швейцарии 1847 года, в Соединенных Штатах 1861—1865 годов, во всех испанско-американских государствах, от самых крупных до самых малых. Бакунин писал в 1867 году, обращаясь к комитету наиболее передовой организации того времени, к «Лиге мира и свободы»: «...Соединенные Штаты Европы никогда не смогут быть образованы из таких государств, какими европейские страны являются сейчас, принимая во внимание чудовищное неравенство между их относительными силами. Пример покойной германской конфедерации (1815—1866) окончательно доказал, что она бессильна гарантировать мир и свободу народа».

Эти слова еще более приложимы к современному положению, когда европейские государства враждебно противостоят друг другу, зараженные военными страстями, держа в руках договоры, освящающие такое положение вещей, которое осуждается широчайшими массами народа, при чем около срока национальных меньшинств в Европе горько жалуется. В сущности, построить номинальную «Пан-Европу» при таких условиях значило бы издеваться над людьми перед лицом страшной нужды. Женевская Лига Наций, Конференция по разоружению, все

конференции об экономических взаимоотношениях, мировая конференция в Генуе и все прочие конференции показывают, что государства и не думают о соблюдении взаимных интересов, даже тогда, когда колеблются самые основы экономической жизни и над источниками, из которых оплачивается стоимость государственного аппарата, армии и т. д., нависает угроза.

Таким образом, внутренний федерализм сохраняется. Но какие-же возможности открыл он Европе? В возрожденной Италии слабое федералистическое течение, защищаемое очень способными писателями и мыслителями — Карло Каттанео, Чезаре Канти, Джузеппе Феррари, героическим Карло Писаконе, Саверио Фриччи и др. (Некоторые из них были друзьями Прудона и Бакунина) в то время, как другие выступают в роли союзников духовенства, защитников федерации старых итальянских государств, возглавляемых папой. Это течение родилось еще до союза объединенной республики Бога и Мадзини и много раньше практического решения о распространении пьемонтской монархии на всю Италию и о создании, таким образом, единой Итальянской монархии, — решения, которое признал, уходя в отставку, сам Гарибальди.

Германская Конфедерация (1815—1866) была центром интриг тридцати или более государственных образований, кристаллизовавшихся вокруг Пруссии и Австрии и разорванных на части войною 1866 года. В сущности, после перемен 1866 года ограниченная Конфедерация продолжала существовать вплоть до 1871 года при Империи, а автономия и номинальная федерация, административная автономия и экономическое единство, сохранились до 1918 года. После же добровольного объединения многих государственных образований Конфедерация продолжает существовать до сего дня и не желает исчезать. Здесь, таким образом, мы имеем зародыши федерализма в форме множества местных образований, комбинируемую экономическую жизнь и два крупных государственных образования — Пруссию и Баварию, а также Саксонию — спящих вместе. Эти государства заключают между

собой безконечные внутренние договоры и совместно несут все тяготы и ответственность. Очень немногие желают изменить этот порядок централизацией, очень немногие также стремятся к более радикальному устройству государства: все как будто чувствуют, что внутри нынешней системы частичные и поверхностные перемены не могут быть ничем иным, как только починкой старья.

Великобритания является другим примером номинальной федерации фактически автономных политических и экономических единиц, таких размеров, как Канада, Австралия и Южная Африка. Но патриотическая, военная и т. д. связь этих государств и солидарность их интересов не требуют никакого прямого сотрудничества в экономических вопросах, или требуют ее в минимальных размерах. Подготавливаемая ныне новая форма государственности в Индии с самого начала будет включать в себе три различных элемента: индусов, мусульман и местных принцев, при отсутствии всякой солидарности между этими элементами.

Там, где разные национальности жили в одном и том же государстве, они поделались и образовали из одного государства несколько — мирным путем, как Швеция и Норвегия (1905), или путем войны и договора, как Австро-Венгрия, или в результате войны, как Россия, или же они живут вместе до сих пор, принужденные к тому насильем, как Бельгия (валлоны и фламандцы), Югославия, македонцы, кроаты, Чехо-Словакия, словаки.

Таким образом, во всей Европе только Испания является страной, где федерализм в 19 веке исповедуется большой политической-передовой федералистической партией, возглавляемой людьми бесспорно выдающимися особенно в лице Франциско Пи-Маргалла, классического автора теории передового и социально настроенного федерализма, — человека близко стоящего к Прудону по силе его федералистского чувства. Кроме того, в Испании силен традиционный и живой федеральный дух, родившийся из насильственного объединения географически различных областей, старых исторических объединений, отделенных друг от друга различием народ-

ного языка. Федеральный дух питался здесь старыми народными обычаями и соглашениями между отдельными группами деревень, между населением побережья и населением островов, между ремесленниками и купцами южных городов, и т. д. Все эти самостоятельные заключаемые договоры, руководящиеся местными интересами, основывались на обещании, что они останутся более или менее в силе при объединении областей, проводившемся королевской властью в целях создания единой монархии, управляемой из кастильских королевских столиц. Однако, эти обещания не были исполнены, централизм стал всемогущим, упомянутые народности до сих пор еще стоят в цепях, сковавших их местную жизнь, и стремятся сбросить с себя централистское ярмо. Таким образом, федеральная республика стала идеалом наиболее передовых людей, в том числе всех испанских анархистов 60—80 годов, пришедших из федерального лагеря под влиянием учений Прудона и Бакунина и ассоциативно-федералистской практики организованных рабочих, главным образом каталонского промышленного и андалузского земледельческого района, а также под влиянием Международного Товарищества Рабочих, основанного в 1864 году.

Эти рабочие мудро понимали, что только социализм и анархизм могут дать им — и любой стране — подлинный федерализм. Ибо односторонний федерализм невозможен: его сущность есть взаимность, в основе своей сочетающаяся с терпимостью, взаимным уважением, а истинным выражением их является социализм, взаимная солидарность и анархизм, как практика свободы и взаимного уважения каждого человека к свободе другого человека.

Для того, чтобы быть осуществленным прежде чем социалистические и анархические настроения овладеют значительной частью нации, федералистские учреждения, обслуживающие этого имени, требуют осуществления, по крайней мере, зачаточных условий, т. е. взаимного благожелательства, великодушия и ослабления привычной покорности в отношении централизации, а также веры в его превосходство. Против всего это-

го ведут борьбу централизованные государства, постоянно подчеркивая свою собственную важность непрерывной открытой и настойчивой пропагандой, воспитанием и печатью, преодолевая всякое сопротивление, сокрушая его где можно, привлекая новые таланты в свой собственный лагерь, вызывая международные осложнения, в расчете на создания для себя выгодного положения защитников и спасителей всей нации, и т. д. Капиталисты обычно находят выгодным для себя поддерживать централизацию, ибо она, как им кажется, способна добыть для них самый широкий внутренний рынок, при наличии значительной государственной силы, — и иностранные рынки. Церковь гонится одновременно за двумя зайцами: она стремится к власти над большой объединенной страной, но, в то же время, она поощряет и местные, ретроградные движения, проникнутые преданностью религии, с тем, чтобы при случае использовать эти движения, как ударную физическую силу против всех частей страны, где население более культурно, и где церковь находит менее почвы для себя.

Таким образом, попытки осуществления федерализма встречаются с противодействием всей мощи государства и фальсифицированным общественным мнением. После восьмидесяти лет централизованных республик и монархий, когда якобинский централизм все еще был политическим идеалом республиканцев, когда учение Прудона оставалось в пренебрежении или забвении на протяжении многих лет после его смерти (1865—70), федерализм не имел уже шансов на популярность в новой французской республике, провозглашенной в сентябре 1870 года. Бакунины и некоторые другие проповедывали его на Юге, выдвигая различные виды его, начиная от анархического, отрицающего государство, федерализма, идеи которого Бакунин отстаивал в Лионе, до умеренного федерализма пиццаторов лиги Юга, федерации южных французских городов. Федерация коммун Франции, которую Парижская Коммуна провозгласила 18 апреля 1871 г., выдвинула программу, за которую не последовали тысячи других французских муниципалитетов, за исключением большого числа

южных городов, где коммунальное движение носило очень решительный характер. Однако здесь, как и в других местах Франции, движение окончилось неудачей.

Дистанция между столетним идеалом централизации, как ее понимали якобинцы, империалисты и буржуазия, идеалом всемогущего и неделимого французского государства, — до федерации французских коммун, не могла быть преодолена общественным мнением. Коммуна рассматривалась как разрушительница единства страны и государства. Армии дана была полная свобода утопить ее в крови десятков тысяч жертв. Идея федерации, достаточно таким образом оцененная уже не возродилась к жизни в качестве социального и политического фактора во Франции. Она живет теперь, в культурном смысле, в форме самостоятельности округов. Идея такой самостоятельности подкрепляется старыми историческими провинциальными делениями, отмеченными революционным централизмом французской республики, а также местной культурной жизнью, поэзией, искусством, обычаями, местными диалектами, или независимым южным, провансальским языком, — родным братом каталонского языка. Административная децентрализация предлагалась тысячу раз на подобных началах, но парижский централизм неуловим. Социалисты здесь, как и везде, являются врагами федерализма, ибо они рассчитывают захватить государственную власть целиком и держать ее в своих руках, поэтому они желают, чтобы она была возможно шире, и считают себя законными наследниками ее.

Испанские республиканцы — федералисты — одни только пытались в 1873 году осуществить федерализм прямым действием и в самой решительной форме, провозгласив автономию (за которой должна была последовать добровольная федерация) многих южно-западных городов и окружающих территорий (деревень и проч.) — кантонов, как их называли, т. е. маленьких единиц, обладавших необходимыми ресурсами для самостоятельной гражданской жизни в городе и деревне. Они были сурово подавлены военным

централизмом и исчезли после жестокой борьбы. Но идея продолжала жить, и испанская революция 14-го апреля 1931 года была совершена во имя федеральной республики, имя которой было на устах и в сердцах многих, но далеко не всех.

Каталонские, арагонские, валенцианские, андалузские, галицианские, баскские и другие территориальные единицы были готовы для федерации. Мадрид же и другие части страны сопротивлялись ему, сначала негласно и осторожно, а затем все более нагло и свирепо. Федерализм, как я уже сказал, может быть осуществлен только в духе благожелательности и искренности, так как он требует от всех доброй воли, доверия и честности. В противном случае, он вызывает горечь и мстительность и превращается в беспощадное государственное принуждение по методу централизма, ведет к полному разрыву, к сепаратизму, а сепаратизм означает национальное государство, новый централизованный и милитаризованный бюрократический, авторитарный организм при том весьма авторитарное государство, честолюбивое, мстительное и ищущее силы в союзе с другими государствами, ибо никакое государство в настоящее время не может стоять одно, в стороне от других. Мир «недостаточно безопасен» даже для целых государств.

В Испании борьба все еще не решена. Надежды на законченный федерализм сокрушены, а то, что предложено централистами, представляет собой такой жалкий минимум, что остается вопросом, принесет ли такой минимум пользу, тем более, что Мадрид, буржуазия и авторитарные социалисты все еще стараются свести даже этот минимум к еще меньшему, почти к нулю. Федералисты колеблются, ибо простой сепаратизм никого не удовлетворит.

Это — показательный пример минимальных шансов федерализма в авторитарной среде. Другим таким примером была Советская Россия, допустившая некоторую областную культурную самостоятельность, но держащая политическую, административную и экономическую власть в руках центра совершенно так, как это делал и царизм. Поддержка Кропоткиным Лиги Федералистов в

Москве зимою 1917—18 г.г. не дала результатов, тем более, что вскоре он был выслан из Москвы и изолирован в Дмитрове до дня его смерти. Вопрос о федерализме был вновь поднят значительно позднее им и анархистами вообще. Все они находились под очарованием Парижской Коммуны, крестьянских бунтов, генеральной стачки, и все они слишком верили в то, что социальная революция снесла бы, вместе с социальной и политической властью буржуазии, также и привычную авторитарную и покорную по отношению к властям настроенность всего народа. Бакунин видел положение ясно, когда настаивал, что коммуна слишком мала по сравнению с государством, и что федерация коммун, губерний или другие какие-либо крупные и реальные единицы должны находиться между коммунами и государством, хотя бы и революционным. Такие крупные единицы (провинциальные федерации) позднейшими анархистами рассматривались, как бесполезные организации, источники новой власти. Таким образом, когда пришла революция, то распыленные федералистские элементы, как отдельные лица, так и целые группы, оказались неподготовленными перед лицом нового государственного аппарата, оказавшегося в руках весьма авторитарных лиц, на которых очень мало можно было рассчитывать в смысле местного планирования, подготовки и крепких баз для операций.

Все это показывает, что первая необходимость с точки зрения анархических задач состоит в том, чтобы отвести анти-авторитарной идее надлежащее место в интеллектуальных и моральных концепциях очень многих людей. Вопрос о том, каковы первоначальные экономические взгляды этих людей не мог бы иметь при этом большого значения; все дело в том, чтобы они научились уважать мнения других людей, не вмешиваться в действия их, если они беззастенчиво прогрессивны, а также в том, чтобы они не позволяли их партиям, правительствам и странам вмешиваться. Признание истинного федерализма является одним из способов обезопасить движение прогресса, ибо федерализм делает возможной дифференцию, облегчает осуществление наиболее практических

местных задач и, путем такого безпрепятственного местного прогресса содействует всеобщему прогрессу. Это очевидно на примере университетов, лабораторий и т. д., где никто не вмешивается в социальные исследования, и открытия делаются здесь и распространяются потом на весь ученый мир, ибо это безусловно неизбежно, если открытия оказываются ценными. Если бы Россия после 1917 г., а Испания после 1931 г. были в состоянии действовать независимо в области социального прогресса автономных областей, автономных городов и меньших единиц, то результаты уподобились бы блестящему прогрессу в мире науки и изучения. А между тем, при нынешнем положении вещей централизм таких возможностей не создал: все должно совершаться по указке правительственных комиссий, совещательных учреждений, бюрократических самодержцев и т. д., что означает, что почти всякая ошибка ведет к разорительным потерям, и что каждый шаг вперед приходится покупать страданиями жертв.

Федерализм, таким образом, содействует жизни, централизм же ведет к застою и к минимальным результатам. Однако, и федерализм также не должен быть пустой фразой, а должен быть наполнен доброй волей, терпимостью и великодушием: он должен уметь давать, тогда он сможет также и получать сторицей. Простой обмен равных ценностей составляет людей и целые федерации людей чужими друг к другу и тнитает душу живую от всего, что они делают.

Очевидно также, как я уже заметил вы-

ше, что в вопросах живой жизни нет точно обозначенных неподвижных границ и линий. Вопрос о том, должны-ли к той или другой практической проблеме применяться федералистские или же централистские методы, должен разрешаться каждый раз на ново, и безкорыстное, свободное от предразсудков общество именно так и будет поступать. Пропорция — ключ к индивидуальным решениям. Работа одного, сотрудничество 2,200, 2,000, 2 миллионов может быть технически необходимо для той или иной работы, и в этом случае так и будет сделано разумными людьми. Мир будет свободен, когда такие слова, как федерализм и централизм будут забыты, когда меньшие и большие задачи будут требовать только правильного расчета необходимых усилий и выбора надлежащих инструментов. Федерализм, конечно, заслуживает и теперь всяческой поддержки, ибо все силы застоя и реакции, включая руководящих государственных социалистов, ставят ставку на централизм и пытаются удушить и вырвать с корнем всякую другую индивидуальную и коллективную инициативу. Федерализм помогает сломать тот лед, который власть накладывает на жарко бьющиеся сердца человечества. Это не анархизм и не суррогат его, а шаг в правильном направлении, заслуживающий всяческой поддержки. Централизм же мы видим за работой повсюду вокруг нас в этом жестоком современном мире — и отвращаем свое лицо от него.

М. Неттлау.

Февраля 17 1932 года.

ЕЩЕ ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ

СУЩЕСТВУЮТ, повидимому, анархисты, признающие Штирнера одним из основоположников анархии. Остается узнать, какой именно анархии. Если речь идет об анархии слов и мыслей, то я согласен с ними.

По настоянию одного из моих друзей, я попытался прочесть книгу «Единственный и его собственность». Взявшись за нее, я установил, что я уже некогда пытался ее прочесть, но отложил в сторону после прочтения первых же страниц, не будучи в состоянии дочитать ее до конца. И однако в течение своей жизни я прочел не мало трудных книг, хотя, быть может, и не переварил их.

На этот раз я вцепился в книгу с тем, чтобы дочитать ее до конца. Попытка была трудна и ее следует считать большой заслугой. Боже, какое нагромождение нелепостей, противоречий, пустопорожних мест, обуждаемых так, как если бы они существовали в действительности! Сколько произвольных выводов! Можно сума сойти от всего этого!

Прежде всего, наш автор начинает рассуждать отвлеченно, что дает ему возможность делать любые заключения, какие ему нравятся.

Из абстракции он быстро создает живую личность и при том «единственную» (ибо так называется книга) — имеющую все права и все возможности, но не стесняющую себя правами и возможностями других существ, не существующих для этой личности, ибо она — «единственная».

С другой стороны, автор утверждает (я забыл отметить на какой странице), что личность, пытающаяся осуществить какую-либо идею, уже не свободна, а является пленником своей идеи.

Конечно бывает иногда так, что люди теряют из виду окружающую обстановку и действуют только под влиянием своих рассуждений. Тогда они оказываются во власти движущих ими идей. Но это не более, как исключения, которые еще не означают, что все те, у кого есть идеи, являются их пленниками. Еще меньше это означает, что для того, чтобы быть свободными, следует не

иметь никакой идеи, что нужно удовольствоваться механическим существованием: пить, есть, спать и не о чем не заботиться.

Я не уверен в том, что не появится какой-нибудь новый Штирнер, который станет утверждать, что личность является рабом своего желудка. Иногда это бывает верно, но это вовсе не означает, что человек не должен ни пить, ни есть, ни спать, ни мыслить для того, чтобы быть свободным.

Нет, конечно, мы, в сущности, не свободны. Мы прежде всего пленники окружающей среды, нашего воспитания, правящих нами учреждений и еще многого другого.

Многое в этой власти вещей над нами искусственно. Мы можем бороться, чтобы освободиться от них. Мы даже можем добиться сокращения некоторых требований нашего организма, но не вполне. Пусть Штирнер беснуется сколько ему угодно (я не употребляю здесь то слово, которое мне пришло на ум), а все же мы никогда не сумеем избавиться от всех ограничений, поставленных нам законами нашего организма, и с ними придется считаться, придется идти на компромисс с ними.

Отсюда нелепость «единственного».

Если бы люди, имеющие убеждения, не пытались их осуществить, то для чего нужны были бы убеждения?

Под предлогом желания не быть ничьим рабом даже рабом идеи, должен-ли человек жить подобно чурбану?

Рассуждения Штирнера напоминают мне рассуждения одного знакомого мне индивидуалиста, заявлявшего, что он «никогда не являлся на назначенное им же свидание, чтобы не лишиться своей свободы».

* * *

А ВОТ другой образец софизмов нашего «сверх - человека»:

«Слово «страдание» не имеет другого смысла кроме того, что оно обозначает наказание, наложенное на оскорбителя какой-нибудь святыни. Кто считает какую-нибудь вещь священной, очевидно заслуживает быть подвергнутым наказанию, раз он покушается на эту святыню. Человек, который оберегает

человеческую жизнь потому, что она для него священна, и что мысль о покушении на нее ужасает его, является человеком религиозным» (стр. 288).

Сколько ошибок в столь немногих словах! Слово «страдание» имеет не один смысл, а несколько *).

Кроме того, жизнь моих ближних может для меня быть «священной», но религиозный мотив здесь вовсе не обязателен. Здесь слово «священный» получает лишь расширенный смысл и распространяется на не священный предмет.

Я уважаю жизнь моего ближнего, но его жизнь священна для меня потому, что я хочу, чтобы и он также уважал мою жизнь. .

Ничего религиозного в этом нет!

В этом состоит одна из слабостей Штирнера: он все хочет связать с религиозным смыслом, с библией, с посланиями апостолов.

Что религия содействовала принижению человека под давлением общества — это неоспоримо. Она, или по крайней мере ее представители, очень старательно занимались этим на протяжении веков, но силы, на которые ссылается Штирнер, создавая своего «единственного», тоже не мало поработали над созданием этого рабства. Разве общества не создавались путем подавления слабых сильными и хитрыми?

В настоящее время религиозный вопрос не имеет более никакого значения для тех, кто хочет освободиться. Авангард руководится только земными мотивами в своих планах освобождения. .

«Земными!» О, конечно, я хорошо знаю это, но для Штирнера этот факт не существует. «Вырисовывается новая религия». Но в таком случае невозможно спорить, ибо противник создает понятия из слов. В этих условиях можно спорить безконечно, не приходя ни к какому результату.

* * *

А вот другая нелепость: «лекарство и излечение являются лишь другой стороной

заказания и исправления. Терапевтика тела является диетикой души. Если последняя видит в каком-нибудь действии прегрешения против Права, то первая видит в нем прегрешения человека против него самого, разрушение его здоровья. Не лучше-ли было бы видеть здесь попросту то, что в этом действии есть благоприятного или неблагоприятного для меня и выяснить, является-ли оно дружественным или враждебным? Тогда я отнесусь к нему, как к моей собственности, т. е. я его сохранию, или уничтожу, по желанию».

Какова цель всех этих фраз, нагроможденных одна на другую и мало идущих к делу? Оказывается, все дело в том, чтобы доказать, что во всех случаях жизни мы должны разбираться и определять, что для нас хорошо, а что плохо.

Но, несмотря на весь свой педантизм, несмотря на все свое, так называемое, умственное развитие, Штирнер рассуждает совершенно так, как некий дикарь, спрошенный одним путешественником, что, по его мнению, является благом. Он ответил: — «это, когда я похищу чужую жену». А что является злом? — «Это когда другой похищает мою жену».

Если бы «единственный» был действительно единственным, то Штирнер был бы прав, приходя к заключению, что: «хорошо то, что мне приятно, плохо то, что мне неприятно».

Да, но ведь таких «единственных» на земном шаре полтора миллиарда. «Единственный» не может жить и развиваться иначе, как только путем организации более или менее многочисленных союзов, где ему придется согласовать свои действия с действиями других членов союза. А тогда вопрос, который каждому из них придется поставить перед собой, будет таков: что может быть хорошо для меня, не будучи злым для моих товарищей?

Но, придерживаясь рассуждений Штирнера, я вынужден говорить нелепости. Этот вопрос будущие члены союза должны будут себе ставить прежде, чем войти в союз. Достигнув более высокого развития, они сумеют отделаться от ограничений, налагаемых на них нынешними союзами и препятствующими

*) Примечание переводчика: Жан Грав имеет здесь в виду французское слово «rie-ne», которое имеет несколько различных значений: труд, страдание, забота, горе, наказание.

развитию членов.

Ассоциация в ее современной форме господствует над личностью, препятствует ее развитию, ограничивает ее свободу, ибо личность не имеет возможности обсудить план и форму ассоциации. Найдя ее уже готовую, новый член ассоциации вынужден приспособляться к ее требованиям. Выражения ее «требования» вполне точно, ибо те, кто эксплоатирует ее, сделали из нея нечто особое, замкнутое в себе, созданное для блага личности, которая однако вынуждена подчиняться интересам «общего блага», воплощенного в миллионы голов, но без мозгов. Интересы личности представлены теми, кто управляет ассоциацией.

Вот каким путем люди приходят к нелепости, когда пускаются в отвлеченные рассуждения и занимаются метафизикой!

Вот образец метафизики:

«Надо отделаться как можно скорее от лицемерной иллюзии и признать, что если мы равны, как люди, то мы не равны, ибо мы не являемся «Человеками». Мы равны только в идее: равно в нас только «мы». Такими, какими мы себя постигаем, а не такими, какими мы являемся в действительности и лично. Я — «я» и ты — «ты», но я не являюсь «собою» в идее, и он, через кого мы все являемся равными, являемся ничем иным, как моей мыслью. Я — человек и ты человек, но «Человек» является не более, как идеей, представлением, отвлеченным обобщением. Ни Я, ни ТЫ, не могут быть выраженными и определены словом (стр. 381).

— Аллхи!...

* * *

ОБРАТИМСЯ к более понятному месту. «Перестанем же возлагать свои надежды на общину. Будем больше иметь ввиду частное. Не будем гоняться за коллективом, за «человеческим обществом», станем искать в других только средств и органов, которые можно было бы пустить в ход в качестве нашей собственности. В дереве и животном мы не видим себе подобных, и гипотеза, в силу которой другие люди являются нам подобными, имеет своим источником лицемерие. Никто не является мне подобным, но, будучи подобным всем другим существам, чело-

век является для меня собственностью. Напрасно говорят, что я должен вести себя по отношению к человеку, как «ближнему», и должен «уважать» моего ближнего. Никто не является для меня предметом уважения, и мой ближний, как и все другие существа, является «предметом», к которому я могу питать или не питать симпатию, предметом, который меня интересует или не интересует, которым я могу пользоваться или не пользоваться» (стр. 382).

И Штирнер продолжает доказывать, что если данный предмет может ему пригодиться, то он согласен объединиться с ним, если это соглашение будет содействовать увеличению его собственной силы и будет сохранять свою силу только до тех пор, пока будет умножать его силу.

Эта последняя фраза была бы очень хороша, если бы Штирнер включал в свое рассуждение всех других членов объединения. Мы, анархисты, также придерживаемся того критерия, что ассоциация должна быть полезна всем ассоциированным. Но манера Штирнера рассуждать в единственном числе и особенно предшествующая фраза, где Штирнер констатирует, что другие люди являются только «предметами», которыми он может пользоваться или не пользоваться и делать из них «свою» собственность, есть не что иное, как рассуждение, с помощью которого капиталисты видят в себе подобных не ближних своих, а только орудия, которые могут быть для них более или менее полезными.

* * *

ВСЕ дело в том, что несмотря на свою «единственность», Штирнер вынужден признать, что индивид, которого он окрестил «Единственным», не может жить один. В силу своего происхождения, в силу устройства своего организма, индивид должен соединяться с себе подобными. Именно это Штирнер и вынужден время от времени признавать. Где он доходит до нелепостей, это там, где он заявляет о праве индивида делать только то, что ему нравится, не заботясь о праве других индивидов, тогда как во всяком объединении необходимо, чтобы индивиды умели развиваться, не посягая на

А. КАРЕЛИН.

Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

КООПЕРАЦИЯ, единение, взаимопомощь — все это вместе взятое и дает коммунизм. Коммунистический строй несовместим с властным строем общежития, почему коммунизм может быть только анархическим. «Основная задача современного момента, — писал И. В. Богословский, — кстати сказать достаточно назревшая, разрушит преграды к необходимому обновлению, для чего должны быть изгнаны из человеческой среды всякая власть, всякие авторитеты, всякие преимущества, сословные, имущественного происхождения, словом, должно быть изгнано все, что мешает людям представлять из себя единое братство.

Власть не имеет ничего общего с солидарностью. Кооперация, взаимопомощь имеют корни не в утопических мечтаниях, а в глубочайших, естественных, так сказать, причинах. Биология и экономика дают нам здесь свои интересные и важные указания и мы остановимся на только что сказанном немного подробнее.

Бесспорным, постоянно наблюдаемым фактом, является «жажда жизни», борьба с тем, что мешает жить. Наблюдение же показывает, что изыскивая «меры к преодолению сопротивления со стороны деятелей, стремящихся прекратить эту жизнь», живые существа тяготеют к обществу, к единению. Действуя сообща, скопом, массой, живые существа повышают свое благосостояние, преодолевают такие препятствия, которые

уничтожили бы каждое такое существо, сопротивляющееся им по одиночке. «Данные истории, антропологии и биологии, — писал И. В. Богословский, — выписывают перед нами с очевидностью ту истину, что слабая индивидуальная жизнь в эволюционном процессе преодолевает громадные сопротивления со стороны физических (и всяких других) агентов путем воздействия на это сопротивление массой, благодаря чему создавались впоследствии условия, благоприятные дальнейшему существованию. Опыт веков передавался следующим поколениям в форме инстинктов и потребностей, из числа которых на первом месте стояли общительные чувства, как выражение общинной стадии эволюционного развития».

Объединяясь, животные, начиная с самых простых, не только лучше жили, но и избегали гибели.

Отметим мимоходом, что солидарная защита от нападающего врага сильно распространена в животном мире.

Единение, кооперация — это великий закон природы. Генри Друммон говорит по этому поводу следующее (цитирую по кн. И. Богословского). «Природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, космос не подвигается ни на один шаг вперед без зависимости от кооперации... Согласно хорошо известным биологическим законам, только в единении друг с другом — будет-ли соединение атомов, клеток, животных или человеческих существ — могут индивидуальные единицы совершать какой-нибудь прогресс и создание таких соединений является во всяком случае первым условием развития». Ассоциация, комбинация, взаимопомощь, товарищество, склонность — предметы, на которых будет вращаться в конце концов весь материальный прогресс — были таким образом (Друммон объясняет каким именно: силою) вложены в мир.

права и свободу себе подобных.

Да, но когда люди занимаются метафизикой, то, как сказал какой-то писатель (если не ошибаюсь, Вольтер), она появляется на сцену тогда, когда два спорщика перестают понимать друг друга. Что касается меня, то я стою перед вопросом: что-же, в конце концов, должна означать вся эта галиматия?

ЖАН ГРАВ.

От простейших видов мы наблюдаем ассоциацию, объединение, колонIALность. По мнению Эд. Перье, закон ассоциации является «основным законом развития животного царства».

Как неизменное правило, потребности настойчиво требуют удовлетворения и, по нашему мнению, развитие потребностей обуславливает и прогресс. Развивая свою мысль о кооперации, П. Богословский указывает, «что потребность питания тесно связана в своем удовлетворении с потребностью деятельности, а это необходимо вызывает потребность солидарности, на основе которой добывается успех всякого обновительного движения и которая имеет своим результатом кооперативную деятельность».

Солидарность является до некоторой степени результатом общности происхождения. Эта общность, тождественность физической и психической структуры «позволяет понимать собратьев рефлексивно», говорит П. В. Богословский.

Зачастую живые существа, в том числе и люди, сплачиваются, не стовариваясь, не обменявшись какими либо звуками... Если мы проведем по натянутой струне, то зазвучит и другая, одинаковая с первой, так же настроенная струна, хотя бы мы и не касались ее смычком. Надо только, чтобы вторая струна не находилась далеко от первой, чтобы ни та, ни другая не были в одиночестве.

Общительные чувства передавались по наследству и крепили. «Физиологическая потребность единения с себе подобными» была корнем людского сплочения в его разнообразных формах.

Нечего и говорить, что совместная деятельность многих сразу, значительно продуктивнее работы такого же количества одиночек. Бревно в 50 пудов, сколько бы лиц по одиночке не прикладывали к нему свои силы, не будет передвинуто с места на место, но 20 человек сразу взявшись за него, легко перенесут эту тяжесть. Работа многих, сделанная одновременно, совершается во многих случаях не пропорционально, а значительно быстрее, чем та же работа, которая делается по одиночке. Общая работа создает

новую, не бывшую до нее силу.

Как люди, так и другие существа, создают стойкие объединения. Появляется община, обеспечивающая нравственный и культурный прогресс.

На почве единения, вначале хотя бы только механически, возникает взаимопомощь, а далее и нравственность, не мыслимая вне общения. Появляются чувства симпатии, сострадания; этих чувств чужды только ненормальные люди. По отзывам всех врачей сумасшедшие женщины лишены сострадания. Печальнолюбивые матери всегда истеричны, не нравственны, с расстроенной нервной системой.

Любовь к ближнему — что-то вроде потребности для здорового человека. Только люди, испортившие свой организм издичествами, только люди со слабыми умственными способностями, только одиночки чужды нравственности и способны на те или другие злодеяния. К сожалению, такими людьми переполнены группы богатей и правителей.

Повинуясь общему биологическому закону, первобытные люди дошли до общинной стадии эволюционного развития и широко практиковали в то время доброжелательные чувства. «Общинная стадия эволюционного развития, характеризующаяся исключительно наличием взаимных доброжелательных чувств сочленов одного и того же общежития, должна была создать и создала в действительности ту санкцию поведения, нарушение которой необходимо влечет за собой разложение общества и, стало быть, сокращение нашей индивидуальной жизни, для оберегания которой от разрушения эволюционным процессом и выработано общество». (Богословский).

В первобытных общинах господствовали анархизм и коммунизм. Следы этих форм общежития сохранились долгое время среди некоторых племен и в современных нам, близких к анархическому коммунизму племенах, мы встречаемся с высокой нравственностью их членов, с развитым чувством собственного достоинства.

В своей замечательной книге о взаимопомощи П. А. Кропоткин блестяще доказал, что для поддержания существования любого вида и для его развития, взаимопомощь име-

ет громадное значение, что в общительности имеется лучшее орудие борьбы «против всех естественных условий, неблагоприятных для вида». «Если бы, — писал он, — мы «не были бы знакомы ни с какими другими формами из жизни животных, кроме тех, которые известны о муравьях и термитах, мы могли бы уже с уверенностью заключить, что взаимная помощь, (ведущая к взаимному доверию—первому условию мужества) и индивидуальная инициатива (первое условие умственного прогресса) являются двумя условиями, несравненно более важными в эволюции мира животных, чем взаимная борьба».

«Избегайте состязания, — писал этот ученый, — оно всегда вредно для вида и у вас имеется множество средств избежать его. Такова тенденция природы, не всегда ею осуществляемая, но всегда ей присущая. Таков лозунг, доносящийся до нас из кустарников, лесов, рек, океанов». А поэтому объединяйтесь, практикуйте взаимную помощь. Она представляет самое важное средство для обеспечения наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему учит нас природа. И этому голосу природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению природы подчинялся и человек — самый пер-

вобытный человек — и лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь.

В действительности, писал П. А. Кропоткин в своей позднейшей книге «Анархия и современная наука» (французское издание) — взаимная помощь является для всякого вида животных не только наиболее действительным орудием в борьбе за существование против враждебных сил природы и других вражеских видов, но она является также главным орудием прогрессивной эволюции. Далее, наиболее слабым животным она гарантирует долговечность, (а следовательно накопление опыта) безопасность для потомства и умственный прогресс.

Благодаря взаимной помощи, виды животных лучше других практикующие взаимную помощь, не только живут дольше других, но и занимают также в своем классе (насекомых, птиц, млекопитающихся) первое место по превосходству их физической структуры и ума». 1).

А. А. КАРЕЛИН.

1) Предлагаемые статьи имеют своей целью указать, что у П. А. Кропоткина были предшественники, не сумевшие, впрочем, облечь свои предположения в научную форму и многочисленные последователи, прямо таки развившие его учение, (как например И. Богословский) или же последователи только кое-что заимствовавшие у П. А. Кропоткина. Обилие цитат и объясняется той целью, которую поставил себе автор статьи.

О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ

(ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ 1-го СЪЕЗДА БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАНАДЫ, ОТ 1-2 ОКТ. 1932 г.)

В ДНИ всеобщего разочарования и летаргической спячки рабочих, в дни, когда внутренне раздоры, а не борьба за улучшение жизни и переустройство социального строя занимают уже даже передовых людей современного общества, ... когда разединение и самоистребление (распри, споры, обвинения) — свили себе прочное гнездо в среде безвластников, — в это время, в этот тяжелый момент, съехались делегаты с разных концов центральной Канады». Вот тот тигостный момент нашего движения и нашей жизни, который так трагично и мучительно больно раздирает и угнетает рабочего-безвластника. Он раньше всего обращает внимание съезда и занимает первую строку в его резолюции.

Приступая к той или иной работе, мы неизбежно сталкиваемся с ним и раньше всего пытаемся его разрешить.

«Съехались не с целью спорить, не обвинять друг друга и не выставять одних чистыми, других нечистыми, одних грешными, а других святыми, одних в белом одеянии, а других в черном, а для того, чтобы положить великое начало — краеугольный камень под здание объединенного анархического движения...» Так, собственно, пытаются выйти из положения канадские товарищи.

Знакомясь с резолюцией, нельзя, конечно, пройти мимо этого вопроса и трудно утверждать, что он не вызовет у многих такого же волнующего чувства, с каким съехались канадские товарищи. Да, это вопрос каждого, кто хочет что-либо предпринять и у многих, вероятно, он так же болезненно живет и требует своего разрешения. Вот почему, оставляя в стороне все другое в резолюции, хотелось бы остановиться прежде всего на наших разногласиях.

Вообще говоря о разногласиях, нужно заметить, что они не всегда имеют непременно отрицательный характер; во всякой организации всегда есть те или иные спорные вопросы, которые различно решаются различными лицами. Наоборот, отсутствие

споров говорило бы только за то, что данная организация или недостаточно еще интеллектуально созрела или в ней есть присутствие командного состава, который убивает личную инициативу. И тот и другой случай имеют, очевидно, отрицательный характер и мы должны одинаково их избегать. Даже больше того, наиболее яркими и двигающими моментами в истории человечества и в истории жизни отдельных организаций именно бывают те моменты, когда мысль отрывается от традиционных авторитетов и начинает самостоятельно мыслить. Если в организации принимается все без возражений, все в ней ясно и нет недомыслия, то можно об этом только пожалеть, т. е. в ней нет жизни, нет инициативы, нет собственной личности. Таким образом, боязнь споров и разногласий не есть положительный, а, вообще говоря, отрицательный признак.

Но есть и такие моменты, когда жизнь выдвигает несколько серьезные проблемы, разрешение которых непостижимо расчлененной мысли; бывают моменты, где требуется совместная работа, совместные усилия, и разногласия невольно отходят на задний план, а стремление объединиться занимает первое место. Русская резолюция, где требовались очень большие усилия, поставила этот вопрос очень насущно и с тех пор, до настоящего времени, он является не только потребностью, но и неизбежным этапом, ведущим нас на поле широкой общественной деятельности. И эта потребность, пожалуй, сильнее всего и насущнее всего ощущается в русском движении. Не только потому, что русское движение, может быть, больше его переживает и в нем оно прочно свило себе гнездо, но и по ряду других причин, более важных, о которых нет возможности остановиться здесь и лучше всего отвести им другое место.

Однако, как показывает опыт, вопрос объединения, казалось бы такой очевидный и простой, практически весьма сложный и

трудно осуществимый, и наиболее опасный в своих последствиях. Есть какая-то грань, переход которой не дает уже положительных результатов, но может принести существенный вред. И лучше всего было бы, в таком случае, несколько более вдумчивое и осторожное отношение, чем быстрый прием. Развитие мысли и ее расчленение иногда настолько сильно, что именно несоединимость их есть залог благополучия, а не обратное.

В самом деле, в России, в период революции, мы имели не только примеры объединения, но и расчленения, где вопрос примирения анархистов был даже неуместен. Самым существенным моментом было наше отношение к революции и нашей роли в ней. Этот вопрос нельзя было отнести к второстепенным и даже к тактическим, т. к. он принципиально ставит вопрос об анархизме. Было и другое, что очевидно, вырывало непроходимую пропасть в данном споре. Например, товарищи отрицали всякое сотрудничество с советской властью, считая, что роль анархистов должна быть направлена на борьбу с укреплением власти путем массовых восстаний и призывами к восстаниям. Такова, собственно, точка зрения старого анархизма, которым жило анархическое движение до революции. Естественно, что власть реагировала на эти действия и многие становились жертвами и мучениками этих репрессий. Но была и другая точка зрения в анархическом движении, которая рассматривала, вместе с коммунистами, что эти действия подрывают революцию, видела в этом контр-революционный акт и эта точка зрения сливалась настолько с коммунистической, что они отказывали даже в названии этого движения анархическим.

Могло-ли быть объединение и могло-ли быть оно полезным и нужным в данном случае?

Есть еще один показательный пункт. Отношение к повстанчеству. Это вопрос принципиальный и твердо установившийся в анархическом мировоззрении до революции. Именно эти вольные единицы должны защищать революционные достижения и только

они могут защищать их, говорит дореволюционный анархизм. Однако, очевидность нам показала, что далеко не вся анархическая мысль способна разделять этот взгляд. А он имеет принципиальное значение с точки зрения анархизма. Этот героический период уже принадлежит истории и будущий историк-анархист, вероятно, обратит как это сделал Кропоткин, свой взор к тем явлениям, которые шли не из руководящих центров, а явились непосредственно творчеством народных масс. Мы знаем, какое колоссальное значение играют массы в революции и мы этому явлению отводим исключительное значение, принципиально отличающее нас от авторитарного политического движения. Именно оно и только оно должно будет и в состоянии создать безвластное общество и опыт, исторический опыт дает нам совершенно бесспорное доказательство, что революция есть только самостоятельное народное движение.

И в этом отношении мы идем дальше, утверждая, что этот народ сам, не прибегая к руководящим центрам, должен будет защитить свои революционные достижения, и он это сделает и делает всегда более революционным способом, чем если бы за это дело взялась какая-либо политическая партия. Это момент краеугольный в революции и движение в ту или иную сторону определяет успех или неуспех в революции. Если народные массы допускают над собой руководство — совершенно безразлично какой партии или направления — реакция неизбежна и анархисты всячески должны препятствовать этому. Значит, социальная революция еще не пришла и мы должны ее проповедывать и внушать в сознание народа.

Но анархизм утверждает, что этот элемент народного самостоятельного творчества всегда есть и что наступающая реакция неизбежно стремится его подавить, хотя его участие в подавлении контр-революции сильнее, чем правительственные войска. Где он? Где мы должны его видеть в русской революции? Мы не только берем на себя смелость утверждать, что оно, это народное движение, было, но буквально вынесло всю борьбу на своих плечах, гонимое и преследуемое

большевиками. Анархическое движение не было безучастным к нему, а шло рука об руку, принимая, порой, на себя инициативу в организации этого широкого движения. Наиболее широким и наиболее стойким была махновщина, но повстанческое движение махновцев есть только часть того грандиозного движения, которое было разлито широкой волной, покрывая почти всю Россию, беря на себя **самые трудные, самые тяжелые моменты** этой гигантской борьбы. Коммунисты пытались подчинить его своей воле и авторитету, а если это не удавалось, то всячески пытались очернить. Увы, они были не одни, найдя помощь и у анархистов. Результат был весьма интересный. Так как еще давно нам приходилось читать хвалебные гимны красной армии и призыв организации армии в анархической прессе.

Возможно-ли и полезно-ли объединение в данном случае?

Этими двумя случаями, которые теперь уже как будто так далеки от нас, далеко не исчерпывались разногласия анархистов в октябрьский и последующие периоды в России. Мы не будем вдаваться в перечисление всех их, т. к. пользуемся ими для иллюстрации, но мы не можем не обратить внимание товарищей, что эти разногласия далеко не изжили и опыт прошлого должен был бы послужить серьезным примером, как в наиболее важную минуту мы можем оказаться не сплоченными, а разбитыми и бессильными. Не нужно-ли нам раньше об этом подумать?

Сравнительно недавняя попытка объединения «платформистов» может послужить не менее интересным дополнением к сказанному. Мы не будем на ней останавливаться, т. к. думаем, что результат достаточно подтвердил в данном случае точку зрения «анархистов - хаотиков», которые взяли на себя смелость выступления против подобного объединения.

Остановимся, в заключение еще на одном вопросе, который будет уже не иллюстрацией, а спором настоящего момента. Мы имеем ввиду синдикализм. Выяснение его очень существенно не только в силу его актуальности, но и по существу самих споров,

задающих принципиально самое понятие анархизма. Попробуем на этом остановиться.

Что такое синдикализм?

Довольно поверхностного наблюдения, чтобы заметить его связь с тем движением рабочих во второй половине прошлого столетия, вылившимся в организацию 1-го интернационала. Как там, так и здесь оно явилось самостоятельным, независимым ни от какой партии, ни от какого бы то ни было политического направления, движением рабочих в борьбе за свои интересы против развивающегося капитализма. Мы не будем здесь останавливаться на том интересном историческом уроке, который рабочее движение может почерпнуть из этих попыток, т. к. рассчитываем остановиться на нем в следующей статье. Факт появления синдикалистского движения различно отразился на различных политических течениях. Естественно, что анархисты первые откликнулись на него; здесь проявилась не только самостоятельность, но и по природе своей оно должно быть анти-авторитарным и безгосударственным. Эти специфические особенности оно сохранило и до последнего момента. Совершенно иной взгляд был у социалистических партий, особенно марксистских, которые всегда видели рабочий класс руководимым политической партией. В нем они видели ослабление рабочих, а не усиление революционной силы. Действительность, однако, опровергла первоначальный их взгляд. Синдикалистское движение с первых же дней своего существования показало себя достаточно практичным и жизненным; его успехи и практицизм оказались настолько заразительными, что в настоящее время оно далеко вышло за пределы рабочего движения и породило не только специальную научную литературу, но и создало то общественное движение, которое привело к известному нам конфликту между обществом и государством, получившим название кризиса современной демократии.

Такой грандиозный успех синдикализма, конечно, скоро изменил первоначальную точку зрения социалистов и их политикз сводит

ся теперь к тому же идейному, политическому руководству синдикалистским движением. Можно сказать, что рабочее синдикалистское движение западных стран, т. е. где оно наиболее развито, почти все находится в сфере этого влияния. Вот результаты. В России оно целиком стало государственным и анти-рабочим учреждением. В Австрии мы были свидетелями расстрела рабочих и сдачу рабочих завоеваний, когда инициатива стала переходить к рабочим. В Германии реакция фон-Папена, буквально одного человека, не встречает никакого сопротивления и реакция крупных промышленников и реставраторов поставлена в порядок дня. В заключение мы смело можем утверждать, что если современный кризис проходит так сдержанно и целиком переносится рабочими, то этому мы обязаны дисциплинированности социалистических синдикалистов, сослуживших такую незабываемую службу капиталистам.

Для нас это явление совершенно неизбежно, т. к. здесь интересы рабочего класса неизбежно были заменены интересами партийными. Это происходит само собой, если здесь допускается политическое руководство. Вот почему анархисты отрицают право навязывания своих идей и политического руководства. Сам факт их самостоятельного существования является достаточным, чтобы видеть в них те формы будущего о-ва, идущие на смену умирающему государству. «Само собой понятно», — пишет Кропоткин: «что анархисты никогда не воображали, что они должны привить синдикалистскому движению свое понимание моральных обязанностей в ново-организованном обществе. Никогда анархисты не защищали той нелепой точки зрения, что они являются вождями великого умственного движения, ведущего человечество к прогрессивному развитию. Но мы имеем право, в полном смысле этого слова, претендовать на тот факт, что мы с самого начала признавали необычайное течение за теми идеями, которые ныне являются

целью синдикализма»¹⁾.

Однако, как мы знаем это не для всех приемлемо анархистов. Стоит-ли нам закрывать на это глаза?

По существу, так называемый анархо-синдикализм (русский), пытается синдикализм свести к партии. Стоит-ли на это не обращать внимания? Указанными противоречиями далеко не исчерпывается этот диаметрально противоположный взгляд двойного анархизма. Он неизбежно сталкивается и неизбежно приводит к тем распрям и ссорам, которые подрывают анархическое движение и мы бы сказали даже больше, уничтожают всякую попытку действительного движения.

Они неизбежно приводят к личным нападкам и ссорам. Мы видим нападки на Волина со стороны «платформистов»; не так давно нам пришлось читать злостную клевету на т. Махно в «Дело Труда», которая была пропущена редакцией. Она тем более противна, что автор ее знает в каких тяжелых условиях живет т. Махно.

Мы приветствуем попытку канадских товарищей. Мы верили и глубоко верим в возрождение анархического движения, но истинное зарождение его мы увидим только тогда, когда оно оставит эту идею распылчатого, механического объединения, а глубже вникнет в ту идею, которую берет за проповедь. Без этой важной предпосылки, мы еще не видим того краеугольного камня, который должен лечь в основу объединения.

Эта статья отнюдь не имеет своей целью спорить и осуждать канадских товарищей, а дополнить и предложить наше мнение для той важной, существенной задачи нашего движения в данное время. И на этом вопросе мы думаем еще остановить внимание товарищей.

МУРОМЕЦ.

1) Интернациональный сборник П. А. Кропоткина и его учение. Чикаго 1931. Статья Кропоткина, Анархизм и синдикализм. См. также «Пробуждение» посвящ. пам. Кропоткина: его письма.

РУДОЛЬФ РОКЕР.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАРХИЗМА.

ГОВОРИТЬ о текущих вопросах анархизма и о методах действия против властного мышления в интернациональном масштабе, это, по нашему мнению, говорить о вещах, о которых говорили же многие товарищи за последние десять лет. Если бы анархисты совершили, хотя бы минимум того, что от них можно было ожидать, продолжать говорить об этом вопросе было бы не больше как простое упражнение без малейшего практического значения. Сам факт, что мы вновь вынуждены ставить этот вопрос, — наилучшее доказательство, что в нашем движении существуют определенные недостатки, которые ясно повсюду чувствуются, но истинные причины которых, как видно, пока еще не удалось выяснить.

Все, кто следил внимательно за анархическим движением в последние 15-20 лет, несомненно, не удивляются тому, что в различных случаях говорилось о «кризисе анархизма», как и не удивительно, что в анархической печати неоднократно утверждалось о необходимости пересмотра анархической мысли.

По нашему пониманию, вопрос сейчас идет меньше всего о пересмотре анархических идей, а о пересмотре общего поведения анархистов и их ежедневной практической активности. Самые возвышенные идеалы имеют значение лишь тогда, когда они вытекают из практического жизненного опыта и действуют на жизнь в обновляющем направлении. Там, где этого нет, неизбежно, получается сухой и безжизненный доктринаризм, прикрывающийся религиозными, политическими или социальными догмами, которые, мало-помалу задушивают духовную жизнь движения, так как оно замирает на пустых формулах и остается слепым к окружающим происшествиям социальной жизни. И, действительно, это есть то, мне кажется, что происходит в широких кругах социалистического движения вообще. Анархисты, в этом отношении, не являются исключением.

Совершенно бессмысленно претендо-

вать, что политическая реклама может запустить какое-нибудь движение от этого положения.

Ведь анархист тоже — не больше как человек и как таковой так же может подвергнуться духовному истощению, как приверженец любой другой тенденции. Вопрос всегда состоит в том, проявляется-ли идея в каждом человеке как внутреннее происшествие, которое духовно воспаляет все его жизненные проявления, или же, наоборот, она является не больше как словесное признание, выражающееся в некоторых типичных выражениях, но не оплодотворяющих внутреннюю сущность человека. Там, где происходит последнее, последствия, обыкновенно, всегда те же самые. Но и идеи, сначала имевшие обновительное влияние на человеческую душу, могут быть сведены, под влиянием привычек или из-за отсутствия практической активности в жизни, до пустой словесности, как это неоднократно уже доказала нам история.

Никогда, как теперь, я не был так глубоко духовно убежден в правильности и верности анархизма. Мировая война и ее ужасные последствия, революционные события России и центральной Европы; чудотворная вера в всемогущество диктатуры, захватывающая широкие слои народов; злоеший рост националистической реакции в форме фашистского движения, и другие явления тесно связанные с вышеупомянутыми, все больше и больше убеждали меня, что если развитие человечества будет продолжаться в этом направлении, то оно приведет нас к целым потокам крови и к духовному и материальному рабству.

Все, что для нашего поколения имело раньше только относительное теоретическое значение, с более или менее абстрактными перспективами, сегодня выявляется совершенно ясно настолько, что что мы уже можем предвидеть все практические результаты этого положения, вплоть до его мельчайших последствий. Редко когда история от-

крывала нам такие ясные возможности. Многие явления, которые мы считали давно похороненными в глубоком и темном варварстве прошлого, вновь угрожающе поднимают головы и не находят должного сопротивления. Производит впечатление, как если бы разумок человечества был бы временно парализован и неспособен воспротивиться, должным образом, ужасным последствиям реакции, растущей все больше и больше во всех областях жизни.

Вне всякого сомнения, война принесла с собою огрубение нравов и безпримерное презрение к человеческой жизни и свободе. Но это фатальное явление должно было бы быть еще одним мотивом больше, чтобы умножить нашу энергию и защищать и расширять нашу свободническую активность, которой угрожают теперь со всех сторон. К несчастью,

очень мало что делается в этом направлении. А там, где что-либо делается, то изолированно и без надскающей связи и продолжительности. Несмотря на всю революционную фразеологию нашего времени, мы не сумели приблизиться ни к свободе, ни к социализму. А скорей всего ушли от обоих на порядочное расстояние, и должны видеть, хотя и с болью в сердце, как умножается и расширяется победоносная реакция.

А все таки, больше чем когда бы то ни было, мы думаем сегодня, что развитие нашей расы в направлении к свободе, к солидарности и к истинному человечеству, может придти только по пути анархизма. Всякий другой путь мне кажется окончательно непроходимым, так как он нас заведет, в лучшем случае, вновь обратно к лабиринту авторитарных идеологий и институций.

ЧЕГО ДОБИВАЮТСЯ АНАРХИСТЫ.

(По Педро Гори).

МЫ БОРЕМСЯ, прежде всего, за равенство, за равенство настоящее и истинное, а не за то ложное равенство, которое красуется на фасадах монархических или республиканских тюрем.

Мы хотим, чтобы все принадлежало всем. Мы хотим, чтобы машины были собственностью трудящихся, которые ими производят и поэтому, чтобы они были экспроприованы у теперешних их хозяев, которые с их помощью обогащают за счет труда и нужды трудящихся.

Мы хотим, чтобы вся земля, находящаяся теперь во власти **порочных собственников**, которые живут в роскоши и полнейшем разврате в городе, была передана крестьянам, которые ее культивируют и оплодотворяют.

Одним словом, мы хотим, чтобы все орудия труда принадлежали **свободно** организовавшимся трудящимся и чтобы все богатства, природные и производственные, были объявлены собственностью всех. Мы хотим, чтобы существовала тесная взаимность между личностью и обществом и чтобы преобладала норма: от всякого по его способностям, каждому по его потребностям.

* * *

НО БЕЗ полной свободы невозможно полное равенство, как без равенства нелепима настоящая и истинная свобода. Тот, кто не владеет — раб того, кто владеет, как те, кто господствуют политически, неизбежно должны превратиться в господ над управляемыми. И так же, как невозможно создать равенство, не уничтожив хозяев, не лишив их всего того, что они несправедливо удерживают для себя, т. е. экономических привилегий, которые теперь называют собственностью, так же невозможно добиться свободы не уничтожив правителей и всякое правительство, которые суть не больше как политические привилегии, на которых зиждется эксплуатация человека человеком.

Но хозяев, ни наемных рабочих; ни правителей, ни управляемых. Все равные в свободе; все свободные в равенстве.

Без частной собственности, что равносильно тому, чтобы сказать, без хозяев и, следовательно, без экономической эксплуатации, все личности будут экономически равными, а такое общественное владение всеми вещами и есть коммунизм.

Без правительства, без власти человека над человеком, без морального насилия противоестественных законов, без полиции и без бюрократии, все люди будут политически свободными; т. е. каждая личность будет иметь полное и исключительное право над самим собой и не будет никого кто бы его не пустил кооперировать для общего блага. Так же она сможет действовать добровольно, в согласии с его личными побуждениями и желаниями, ибо будет существовать полная гармония всех людей.

Такая свобода для всех людей и есть Анархия, т. е. свобода свобод. И мы боремся за Анархию именно потому, что мы хотим быть истинно свободными и окончательно равными.

* * *

НО МЫ, которые стремимся к освобождению всех угнетенных, мы, которые любим всей душою своих матерей, наших детей, наших сестер, подруг наших жизней и наших страданий, мы обращаемся также и к женщине, вдвойне рабыне: и хозяйня и мужичины. Мы обращаемся к этим обездоленным и призываем их в наши ряды, чтобы вместе бороться за уничтожение всех зол и чтобы между нами не было больше несчастных.

Женщинам повторяют неустанно, что анархисты стремятся к разрушению всех священных чувств семейной связи. Но существует ли семья для несчастных мужчин труда в поле, в мастерской, в шахте? Существует ли семья для юных девушек, продающих себя без любви и из низких спекулятивных коммерческих интересов на легализованную брачную проституцию? Существует ли семья для несчастных наших сестер, девушек, являющихся в полной юности, благодаря извращенности развратника хозяина, который потом выбрасывает ее на улицу, для

продажи своей ласки первому встречному торговцу живым товаром? Существует ли семья для безответственных детоубийц, сохраниющих себя для того, чтобы служить времяпрепровождением легитимным ворах их девственности? Разве существует семья для старых дев, осужденных на вечную девственность глупыми общественными предразсудками, которые считают безправственными естественные позывы сердца и тела, не контролируемые брачным регистром? И, наконец, разве существует семья для проституток, этих несчастных инструментов **буржуазного наслаждения**, которые вынуждены продаваться, на рынке белых рабынь, потому что голод и холод съедает их организмы; чтобы потом превратиться в очаги венерических болезней, и чтобы затем сифилис истощил их тела окончательно?

Где же достоинство женщины, половины всего человечества, перед лицом такого варварского деспотизма самца?

Это безправственное общество, которое украшается трудом тружениц и их красотой; этот сброд развратных людей и законов, морально изъеденный сифилисом, осмеивается выставлять анархистов как отрицателей нежных чувств только потому, что мы хотим уничтожить брак по контракту интересов, заменив его свободным договором чувствуемых привязанностей; потому что мы хотим освободить любовь от экономических и юридических цепей, в которые ее заковала буржуазия, дав ей, вновь, полную свободу, уничтожив весь этот обман, который называют законами, и потому что мы хотим уничтожить заинтересованную спекуляцию и ложь современной морали.

И женщины не должны обращать внимания на эту безстыдную клевету, которую распространяют об анархистах все торговцы сердцами и совестью. Они живут ложью и они заинтересованы, чтобы правда, которую мы проповедуем, не осветила мир как полуденное солнце.

Мы хотим ошистить от лжи и пошлости половую связь между людьми, вот и все. Сделать ее **безкорыстной**, уничтожив частную собственность, главную причину всех низ-

ких интересов и побуждений; **освободить** ее, уничтожив все цепи, моральные или материальные, которые мешают самопроизвольному и естественному развитию всех человеческих проявлений.

Объявить любовь свободной есть не что иное, как объявить легальным и священным союз двух существ для прекрасного и морального продолжения рода. Уничтожить легализованную брачную связь, чтобы заменить ее добровольным слиянием двух душ и двух тел, стремящихся объединиться по душевному сходству и на бесконечное время, есть не что иное как ввести семейную жизнь **по любви** на место современной семьи **по интересу**. Одним словом, ввести всемирный закон природы взамен разных искусственных законов, вырабатываемых людьми в интересах властвующего класса, или привилегированного пола.

Вот почему анархисты предлагают любовь свободную, как естественную форму половой взаимности, в обществе людей действительно равных и окончательно свободных.

* * *

Попы и клерикалы безпрестанно говорят, что анархисты хотят уничтожить религию. Но разве у попов и клериков имеется другая религия, помимо своего желудка и собственного материального благосостояния?

Анархисты же, вообще, не хотят ничего другого как **полную свободу всех** — хотят разрушить все предразсудки и суеверия и объявить науку, знание и познание учителями и руководителями жизни людей. Ибо только наука и знание, которые суть по своей сущности позитивны и антирелигиозны, освободят человеческий род.

Но анархисты ненавидят отечество, говорят боязливые люди. Отказываются от него, когда оно им должно было бы быть дорогим.

Но посмотрим, где находится это отечество для рабочих патристически эксплуатируемых хозяевами, пока они не становятся неспособными к труду и тогда им дают дворянами в нос, выбрасывают их на улицу и оставляют в нищете, голоде и холоде?

Нет обязанностей без прав! А какими правами пользуются трудящиеся в своем отечестве, помимо чести защищать землю, которую они культивировали и сделали плодотворной, но плодами которых могут пользоваться только богачи? Между Фордом, миллиардерами, и его соотечественниками рабочими и умирающими от голода существует столько-же общего и братского, как между крестьянином, умирающим от голода в прекрасном саду отечества и императором небесного Китая.

Но между испанским крестьянином и бедным ирландским рабочим да существует нечто общее, как оно существует между угнетенным рабочим монархической Испании и платным рабочим Французской республики. У этих существует общность нищеты, невежества, озверелости и несознания своих собственных прав.

И правительства и торговцы людьми делают все возможное, чтобы разжечь братоубийственную ненависть между народами разными пустыми национальными вопросами или так называемой честью национального знамени, чтобы таким образом лучше доминировать народами и управлять ими. А народ никогда и никак не может понять эту коварную игру его кровью со стороны правителей и деспотов.

Но мало-по-малу трудящиеся все-таки начинают понимать, что их враги не находятся по ту сторону той или другой границы, а что они имеются во всех странах, во всех отечествах и что эти враги, это правители и хозяева, властители и паразиты, которые растлаивают с одного конца мира до другого полицейско-капиталистическую систему, которая эксплуатирует, обезкровливает и угнетает большую и лучшую часть человеческого рода.

Этот интернациональный союз эксплоа-

тируемых и угнетаемых всех отечеств в открытом возмущении против правительственных и капиталистических коалиций уничтожит весь старый общественный порядок, основанный на угнетении, привилегии и тирании, заменив их, на всем земном шаре, новой эрой любви и благосостояния для всех людей, равных и свободных.

Вот почему анархисты называют себя интернационалистами.

* * *

Но все это существенное и глубокое обожление человеческого общества возможно только при посредстве всеобщего народного возмущения против легального насилия тех, кто в настоящее время является экономически и политически привилегированными. Отсюда исходит неизбежность социальной революции.

Отсюда также вытекает почему анархисты являются антилегалистами и революционерами.

И все трудящиеся, весь трудовой народ должны поддерживать анархистов в их скромной и идейной работе своим участием в этой великой борьбе за всеобщее благосостояние и свободу всех людей. И своим львиным ревом покрыть все земное пространство в день, когда разгорится социальная борьба за полное человеческое освобождение. И из грудей борцов вырвется в этот день мощный крик возрождения жизни, крик освобождения человечества от ига Власти и Капитализма.

В этот день весь мир будет оглушен многомиллионным криком всех борцов за истинное равенство и за анархию: Да здравствует свободное человечество!

В этот день человечество радостно и смело войдет в мир Свободы и Всеобщего Благосостояния, в мир Радости, Счастья, Довольства и Любви.

С испанского АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

Задачи анархистов в современном обществе.

СОЗДАНИЕ анархического общества не может совершиться одним скачком. Из области рабства и принуждения в область свободы и взаимной помощи переход может быть совершен только при помощи целого ряда эволюций, которые совершаются и будут совершаться в области взаимоотношений между людьми, политических, экономических, и т. д. Анархическое общество сможет создаться и укрепиться только при помощи экспериментации и принятия этой формы общежития людскими массами. Она не может быть следствием ни насильственных революций, ни государственного, или организационного навязывания. В создании анархического общества должны будут принять свободное и добровольное участие все народные массы, а не только отдельные группы людей, именующих себя анархистами.

Существует и среди анархистов ошибочное понимание, что эволюция среди народов совершается автоматически, благодаря какой-то естественной силе вещей, независимо от воли человека.

Но в действительности этого нет. Прогресс человечества совершается постольку, поскольку растет сознание человека и его активное участие в этом прогрессе. И чем дольше тем все большие и большие массы людей начинают принимать активное участие в профессиональном развитии человечества.

Анархическое общество сможет быть создано только людьми и только постольку и в такой форме как люди этого будут хотеть. Приходят к желанной цели только тогда, когда хотят и стремятся придти к таковой цели.

Анархисты хотят прийти к цели полного освобождения людей от всякого насилия и принуждения и достигнуть этого освобождения они хотят методами свободы. Анархисты не отрицают, что имеются и другие, которые хотят лучшего будущего для людей, хотя они и добиваются этого авторитарными

методами. Но анархисты видят, что хотя цели этих людей и хороши, но их авторитарные методы не только не приближают человечество к желанной цели, а только еще более отдаляют человечество от этой цели; или вообще задерживают приближение человечества к таковой цели.

Анархисты также не отрицают, что имеется на общественном поле борьбы целый ряд движений руководимых инстинктами и потребностями людей — движений массовых, сильных, но чисто механических и малосознательных. Но анархисты не могут не видеть, что эти движения, несмотря на свою количественную важность, сами по себе качественно — малозначущи в общественном прогрессе и часто даже являются силами реакционными и регрессивными.

Безбрежный запас сил, которые имеются в этих массовых движениях становится прогрессивным только тогда, когда среди этих масс имеются силы сознательные. И эти движения становятся тем более полезными и продуктивными, чем более инстинкты этих масс заменяются сознательными устремлениями и пожеланиями.

Вот почему главная задача анархистов и состоит в превращении чисто инстинктивных стремлений масс к освобождению от ига власти и капитализма в сознательные и активные устремления их к созданию лучшего и свободного общежития для всех людей. И это-то и есть главная задача добровольцев в идейной анархической пропаганде.

Задача анархического меньшинства, их движения и их пропаганды состоит именно в том, чтобы как можно больше развить в массах анархическое сознание; чтобы все более и более развивалась в массах потребность в свободе; чтобы массы приучались практиковать эту свободу и почувствовали бы потребность в самоуправлении, в социальной активности и в личной инициативе, и все более и более понимали бы задачи, цели и пути анархического строительства — лич-

ной и общественной жизни.

Анархисты, понятно, не думают, что они могут стать большинством внезапно. Они знают хорошо, что имеется еще достаточно материальных, экономических и политических препятствий, мешающих массам видеть ясно их интерес в полном освобождении. Но они видят, как изо дня в день идеи анархизма проникают все глубже и глубже в сознание людей, что идеал свободы и всеобщего благосостояния встречает все больше приверженцев и что инстинктивно идеал свободы уже стал идеалом человечества. Еще больше, воля к освобождению растет и развивается в массах все сильнее и сильнее и недалек день, когда оно примет сознательные формы и превратит идеал свободы в активную реальность.

Активность анархистов поэтому состоит сейчас в том, чтобы внедрить сознание и стремление к свободному проявлению во всех областях человеческой активности. В любом движении за освобождение, хотя бы частичном, от ита власти и капитализма: за свободу мысли, слова, печати, собраний, ассоциаций, право протеста и забастовки, общественной экспериментации и т. д., во всех этих движениях имеется место борьбы для анархиста. Анархист всегда на стороне угнетенного против угнетателя, раба против рабовладельца, рабочего против хозяина; тем паче он должен быть всегда в борьбе против власти человека над человеком, в освобождении человека от угнетающих его общественных сил.

Анархист всегда принимает участие во всяком революционном движении, которое стремится сбросить тирана, или достичь большего освобождения.

Стремясь к революции за полное освобождение человека, анархист в то же время всегда принимает участие во всякой борьбе угнетенных против угнетателей, обездоленных против привилегированных.

Анархическая революция.

Во ВСЕХ общественных движениях и во всех областях человеческой деятельности, анархисты неизменно придерживаются определенной линии поведения, базирующегося

на свободе.

Они отстаивают свободу в своих анархических организациях, стараются внести и внедрить принцип свободы во все общественные движения близкие им по духу; стараются всегда быть первыми во всяком свободническом движении.

Но анархисты не претенциозны, не абсолютисты. Они приветствуют всякое движение и всякую борьбу за свободу откуда бы они не исходили. Но также ведут неустанную и непримиримую борьбу против всех тех движений, и всех тех политических группировок, которые являются препятствием на пути к полной свободе.

Анархисты, например, могут быть по одной стороне баррикады в борьбе с тиранией и эксплуатацией, вместе с республиканцами, социалистами или коммунистами, но они встанут против любой из этих группировок, если они стараются стать, или стали сами тиранами и эксплуататорами.

Идеал свободы всегда и во всех случаях является нормой поведения для анархистов. Они отрицают и отбрасывают всякую замкнутую и принудительную дисциплину, которую они хотят заменить дисциплиной нравственной и добровольной и свободным взаимным согласием. Отрицают всякую форму централистической, авторитарной, бюрократической и иерархической организации, стараясь с'организовывать свои силы на базе свободы личности внутри группы и автономии группы в организациях более обширных. Объединяются на базе взаимного свободного соглашения в общей пропаганде и общей борьбе, стараясь свободно координировать все свои усилия и действия на все более и более обширном поле индивидуальной и общественной жизни. И всюду, где бы они ни принимали участие и активировали бы, они ведут неустанную борьбу против авторитаризма власти и принуждения.

Этим путем неустанной борьбы со всеми проявлениями идеи власти и авторитаризма, развитии в личностях стремления и любви к свободе, инициативному проявлению себя и поднятия их нравственного и морального уровня, анархисты надеются подготовить людей к революции за полное освобождение. Но в которой не будут совершены большие

ошибки прошлых революций, когда одну тиранию массы заменяли другой тиранией.

Никто, понятно, не осмелится утверждать, что будущая революция будет и социальной и свободнической и анархической. Она будет анархической и свободнической только постольку, поскольку массы ее сделают таковой. Можно даже думать, что авторитарные идеи еще достаточно сильны в массах, чтобы они не проявлялись и не старались утвердиться в будущих революциях.

Но анархисты все - таки приветствуют всякую революцию за освобождение, хотя бы и не полное, прилагая, понятно, с своей стороны все усилия, чтобы давать максимум возможного освобождения от ига капитализма и власти. И всегда, во всякий момент противопоставляют и будут противопоставлять анархическое понимание революции всем другим авторитарным и реформистским пониманиям таковой, — будь это республиканско - демократическим, социально - реформистским, авторитарно - коммунистическим, или деспотическим - диктаторским.

Поэтому, когда анархисты говорят о подготовке к революции, они говорят не только об материальной подготовке к свержению существующих тираний, но также и о подготовке людей как личностей, чтобы они могли проявить себя во время революции и оказать все свое влияние пропагандой и примером, чтобы революция стала как можно более свободнической, а если будет возможно,

довести ее до полного анархического переустройства всех человеческих взаимоотношений и проявлений и всей общественной жизни людей.

Анархисты стремятся и прилагают все усилия, чтобы революция встретила в народных массах как можно более распространенным и углубленным чувство свободы; нашла бы в них ярых приверженцев идеи полного освобождения и ярых противников всякой формы власти и принуждения, и которые-бы всегда были готовы на защиту свободы и охраняли-бы ее от всяких попыток авторитаристов повести ее по пути авторитаризма и государственно - капиталистического принуждения.

До тех пор пока свобода не станет достоянием всех людей, революция не будет окончательной и всегда оставит следы авторитаризма в общественной жизни. И знамя свободнической революции снова должно будет рдеть и перейти в руки более последовательных приверженцев идеи Свободы до того дня, когда Свобода станет достоянием всех людей и благосостояние всех будет преобладать в общественной жизни.

Когда настанет этот день, никто предсказать не может. Но этот день приближается и все любители и приверженцы Свободы должны разбрасывать полными пригоршнями по полю жизни семена новой и лучшей жизни для всех людей без исключения.

М. КОРН.

Смерть Марии Исидоровны Гольдсмит (М. Корн) — тяжелый удар для всех знавших ее вообще и для анархического движения в особенности. Эта тяжелая утрата тем более трогательна и чувствительна теперь, когда после смерти таких славных борцов и идеалистов, как Кропоткин, Карелин, Органец, Черкезов, Малатеста, Рогдаев, анархические ряды сильно поредели и нет свежих, юных сил... Теперь, когда наша эпоха требует все более активных работников и борцов; когда в наше анархическое безпутие мятущаяся анархическая мысль неустанно бьется над правильным разрешением многих спорных вопросов, — в такое время смерть М. Корн тем более тяжела и печальна, чем неожиданнее она пришла. Смерть не так страшна во время борьбы, но она становится грозной, когда лишает борцов поля битвы и преждевременно уносит их в могилу.

М. Корн — дочь родителей — идеалистов, присужденных царским правительством в конце 70-х годов к десятилетней ссылке, где и родилась Мария, за свою принадлежность к русскому народovolьческому движению. Вместе с другими славными борцами того времени, ее родители привлекались по знаменитому в истории революционной России процессу «193». После освобождения из ссылки в 1882 году, ее родители эмигрировали во Францию и поселились в Париже. Маленькой Марии было в то время 12 лет и ее юная жизнь скоро омрачилась несчастьем: она потеряла отца, умершего вскоре после переселения в Париж. Мария осталась всецело на попечении матери, оберегавшей ее как зеницу ока.

Еще в своей ранней юности М. Корн, воспитавшись на русской революционной литературе 70-х годов, прониклась анархическими идеями и 18-летней девушкой примкнула к анархическому движению. Но ее чуткую душу одновременно влекло к науке, к познанию мира и людей. Она с жадностью и воодушевлением изучала биологию и другие естественные науки и достигла здесь больших успехов. Она добилась диплома на звание «доктора наук»; она также зани-

мала должность помощницы профессора в Сорбонском университете в Париже, где читала научные лекции. И она авторша изданной на французском языке ценной научной книги под названием «Сравнительная психология», вызвавшей большой интерес среди ученых.

Но, как убежденная анархистка, М. Корн не ограничивалась одной только научной деятельностью: она отдавала свои силы, свои способности и борьбе за высший человеческий идеал — за анархию, за полное освобождение личности и угнетенного человечества от цепей капитала и власти. Она неустанно пропагандировала свои идеи — устно и печатно. Зная несколько языков, помимо русского и французского, она сотрудничала во многих иностранных анархических газетах и журналах; ее перу принадлежат также и самостоятельные работы, как, например, изданные на русском языке брошюры «Борьба с капиталом и властью» и «Революционный синдикализм и анархизм». А ее многочисленные статьи, печатавшиеся в течение 30 лет во многих иностранных анархических изданиях, собранные вместе, наверное составили бы несколько крупных и ценных книг.

Тяжелые переживания последних лет плохо влияли на душевное и физическое состояние М. Корн. Здоровье ее любимой старой матери, ради которой она не жалела сил и здоровья, постепенно ухудшалось; невеселые, а подчас и кошмарные известия о тяжелой жизни и страданиях заключенных анархистов в большевистской России, а также и плохое положение близкого ее сердцу Кропоткинского Музея в Москве — тяжело отзывались на ее собственном здоровье и она становилась все слабее и слабее. Внезапная же смерть матери окончательно подорвала ее силы и Мария Исидоровна потеряла последнюю надежду... Она осталась одинокой... Она решила уйти от мира и людских страданий, отравившись на 63 году своей богатой духовной жизни.

М. Корн умерла, но ее идеи и светлая память о ней долго будут жить в сердцах всех анархистов!

Л. ЛИПОТКИН.

3. МАЛАТЕСТА.

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЯ

ПРОТИВ всякой новой идеи, которая встряхивает интеллектуальную лень масс и угрожает и атакует привилегии, всегда борются три темные силы: невежество, клевета и преследование.

Так было всегда на протяжении всей человеческой эволюции и, естественно, что то же происходит с Анархией, которая так превосходит все остальные идеи и так сильно пугает тех, кто живет и думает продолжать жить от эксплуатации и угнетения других людей. Правда можно было ожидать немного более справедливого и честного отношения со стороны тех, которые, хотя они и не анархисты, но проповедуют идеи свободы и справедливости. Но узко-партийный дух, который старается использовать самым нечестным образом всякое недоразумение в других политических партиях: рабское подчинение, которое существует в каждой авторитарной школе и трусливая боязнь вполне объясняют то печальное соглашение, которое существует между республиканской и социалистической печатью и самыми подлыми полицейскими органами по отношению к нам.

«Анархия это — насилие» кричат со всех сторон, хотя все прекрасно знают, что анархия это — отрицание насилия и что она есть идеал общества, в котором отсутствуют какие бы то ни было формы насилия человека над человеком: ни немногих над многими, ни многих над немногими.

Многие и различные тенденции разделяют анархистов. Будучи анархия доктрина свободы и критики, не признающая ни догм, ни власти, — мысли и активность ее приверженцев проявляются различно, согласованно интеллектуальной и моральной предположенности каждого, и тех внешних обстоятельств и среды, в которой каждый вращается.

Имеются анархисты коммунисты, коллективисты, индивидуалисты; имеются анархисты антирелигиозные и анархисты религиозные; имеются многие, которые считают, что понятие организации является составной частью анархизма, но имеются и такие, ко-

торые считают, что организация находится в материальном и логическом противоречии с анархизмом. Сотни различных пониманий, и часто противоречивых, разделяют их в вопросах тактики. Одни дискусируют, полемизируют, сталкиваются между собой. Но несмотря на все эти расхождения и деления, их всех характеризует одна общая идея и дает им всем право называть себя анархистами. Эта идея — это отрицание физической силы, употребляемой человеком, как фактора общественного порядка и как средства для социальной эволюции.

Это то и есть та основная идея — идея действительно новая — которую внес анархизм, — идея, которая должна революционизировать манеру жизни людей и открыть новые пути человечеству: ни государства, ни законодательной власти, ни вооруженной силы; и ни права, ни возможности для отдельных людей принуждать других давать себя эксплуатировать и управлять собой. И если можно найти какое-нибудь понятие в писаниях или действиях некоторых анархистов, находящееся в противоречии с этой идеей, то это не больше, как остаток полученного и не совсем исчезнувшего авторитарного воспитания; не больше как влияние среды, которой не все и не всегда могут противостоять.

Что это? Неосуществимая утопия, или, скорее, признание факта, что человечество только могло жить и развиваться, поскольку принцип свободы мог противостоять принципу авторитаризма и насилия?

Мы думаем, что как только будет элиминировано насилие, люди, будь это под влиянием жизненной необходимости, или под влиянием жизненного интереса, которое будет иметь каждый, или будь это из чувства братства и солидарности, которые увеличиваются по мере того, как исчезают возможности для одних управлять и для других необходимость сопротивляться насилию, организоваться на началах наиболее выгодных для всех людей. Как случается в настоящее время, и как бывало всегда, в областях активности, где отсутствуют привилегии и между людьми, ко-

торые хотят жить совместно, или реализовать какое-нибудь общее дело, одни не могут руководить силой другими.

Наши грешники, — те, которые хотят насилем защищать свои привилегии и те, которые верят в возможность и в полезность делать другим добро насилем и в согласии со своим пониманием, — имеют право опровергать наши понимания, если они это могут. Но они не имеют права, если они считают себя честными и искренними людьми, извращать наши идеи и выставять нас противниками тому, чем мы есть в действительности.

Война насилию, вот — настоящий двигатель анархической активности.

К несчастью, часто случается, что против насилия нет другой защиты как насилие. Но и в таком случае насильник не тот, кто защищается, а тот кто вынуждает других защищаться: насильник не тот, кто употребляет смертоносное оружие против того, кто с ружьем в руках посягает на его жизнь, его свободу и его хлеб, а тот, кто ставит других в ужасное положение необходимости убивать или быть убитым самому.

Всякий человек имеет право на само-

защиту, особенно если она принимает вид самоотвержения, героизма, верха человеческого солидарности, — когда один не защищает себя лично, а всех остальных, рискуя собой и идет добровольно на рабство, пытку и смерть.

Все признают и практикуют, как могут, это право на самозащиту. Все возвышают и восхваляют тех, кто противопоставляли силу силе в защиту того или другого идеала.

Неужели же оно становится преступлением, когда оно совершается в защиту угнетенных. Неужели же оно преступление, когда оно совершается анархистом, который если иногда, как отдельная личность, и совершает акт насилия и стремится к насильственной революции, то не из ненависти или мести, а из убеждения, что для уничтожения убийственного режима, держащегося на силе, нет другого способа как сила, и воодушевленного стремлением к благу не одного или другого класса, одной или другой партии, а всех людей без исключения.

(Из единственного номера «Причины и последствия» изданного на английском языке в Лондоне в сентябре 1900 года).

ДЛЯ КОГО РАБОЧИЙ ТРУДИТСЯ

БУРЖУЙ, ПОП и ГЕНЕРАЛ, проезжая поле увидели как мужчины, женщины и дети, в поте лица своего, пахали, сеяли и жали, или добывали плоды из земли, и — под'ехали к ним.

«Какое прекрасно обработанное поле, которое люди оросили потом своим и с благословения Божьего превратили его в рай земной. И какое прекрасное зерно! — сказал буржуй, и пересыпая из руки в руку на солнце сочные плоды земли. — Для кого вы возстили такую прекрасную пшеницу? Чей стол украсят прекрасный белый хлеб и печенья, которые вы, трудящиеся, добыли из земли?»

«Для вас, представителей Бога, Силы и Власти на земле!» ответили трудящиеся земли.

Возликовали поп, генерал и буржуй и возрадовались такой добротой и любви к ним народной, и на шикарной тройке двинулись дальше в путь.

* * *

НЕДАЛЕКО от города, там, где растиались прекраснейшие сады, они увидели как бесчисленное количество женщин и мужчин срывали фрукты и срезали гроздья и ягоды, и они под'ехали к ним. Покрытые потом, усталые и еле влача ноги, они быстро заполняли одну за другой корзины фруктами, гроздьями и ягодами.

«Для кого эти прекрасные сочные фрукты выросли и собираете вы, дети мой?» — спросил певучим голосом поп.

«Для вас, чтобы вы могли услаждаться этими прекрасными ягодами, вкушать эти ароматные фрукты и освежаться сочными гроздьями винограда», ответили рабочие.

И, довольные и сияющие, поп, буржуй и генерал поехали дальше.

* * *

УЖЕ НА ОКРАИНЕ ГОРОДА, они увидели громадные фабрики с сотнями и тысячами светящихся окон, и они вошли посмотреть, что там делают трудящиеся.

Тысячи и тысячи мужчин, женщин, подростков и даже детей, усталые, черные от грязи, полуоборванные и чахлые, вертели и строгали, ткали, резали, составляли, склады-

вали, шили и вышивали, красили и украшали прекраснейшие и роскошнейшие вещи.

В одном отделе ткали самые лучшие пряжи и выделывали прекраснейшие одежды; в другом выделывали артистическую мебель и обстановку; в третьем долбили кожи и выделывали роскошную обувь; в четвертом чеканили и отливали самые красивые украшения и т. д. и т. п. Одним словом, трудящиеся выделывали и вырабатывали все то, что только мог бы пожелать для своих надобностей, удобств, комфорта и наслаждения человек.

«Для кого вырабатываете вы все эти прекраснейшие вещи?» спросил надменно и грубо генерал.

«Для вас, чтобы вы могли украшать ваши палаты и ваших женщин и одеваться и услаждаться сами всей этой роскошью», — ответили рабочие.

Поп, буржуй и генерал засияли от радости. Как их любит народ. Как благоговеет перед ними. Весь свой труд трудящиеся отдают на них. И буржуй от радости поцеловал молодую работницу; генерал пожал одному рабочему руку, а поп, певучим голосом, благословил фабрику и рабочих, моля небо, чтобы трудящиеся вечно работали и свой труд отдавали на попов, генералов и буржуев.

И сияя и радуясь, они оставили фабрику.

* * *

ОНИ ДУМАЛИ было уже вернуться в свои палаты, как вдруг увидели вдалеке громадные заводы, из которых слышны были стоны машин и многоголосный шум станков, и они вошли в заводское здание. Как в муравейнике кишели в нем рабочие, работая не покладая рук. Казалось, что эти люди вырабатывали и творили что-то очень важное и полезное, такое внимание и прилежность прилагали они к своей работе.

Но, в действительности, это был только оружейный завод. В одном отделении отливались пушки, в другом оттачивались штыки, в третьем вырабатывался порох, в четвертом — снаряды, и т. д. и т. п. Одним словом, шла бешеная работа по выработке орудий

взаимного уничтожения.

«Прекрасные машины!», любовался генерал.

«Предестные винтовки!», восхищался буржуй.

«Какая техника в этих орудиях, какая точность в выработке этих снарядов! — любовался поп. — Велики дела Господа Бога и неизреченна Премудрость Его. Какую силу духа должен был дать Бог людям, чтобы они могли дойти до такого совершенства, и в умилении благословлял крестом подходящих к нему на целование руки рабочих.

«А для кого же это, Сыны Божии, вы отливаете эти пушки и готовите эти бомбы и штыки?» спросил поп робко у рабочих.

«Для нас, батюшка, чтобы мы могли умирать защищая Церковь, Власть и Собственность богачей», ответил один из рабочих, подождевших к попу.

«Таков уж Божий Закон, рабы Божии, что имущему да прибавится, от неимущего да отнимется, сказал сияюще поп. — Лишь в царствии небесном последние будут первыми, а первые последними...

«Для себя, рабы, вы оттачиваете штыки, и готовите пули и снаряды, а для бездельников и паразитов: попов, богачей и генералов, все лучшее, что ум человеческий смог изобрести и создать», — раздался зычный мужской голос из-за одного из станков.

«В ваших руках все богатства и блага земли, а вы как рабы ползаете на брюхах перед сворой лодырей и паразитов и целуете руки у жнецов и ипокритов, торгующих Богом небесным.

«Бог! Где он этот бог, который дает право одним наслаждаться жизнью за счет страданий, нищеты и мук других? Где та Сила, которая могла бы принудить людей, если они не рабы, своими же руками гото-

вить смерть себе и брату своему?

«Отбросьте Бога и ставленников его: попов, богачей и генералов, рабы Земли. Если он даже и есть, — пусть он сидит себе спокойно на небе и не мешает жить людям. Бог Небесный людям окончательно не нужен. Ни на что. И еще меньше ставленники его дающие Христов за 30 серебряников.

«Сорвите поганы у Каинов военных, убивающих хладнокровно братьев своих, Авелев, чтобы наслаждаться жизнью без помехи и жить за счет их.

«А фарисеев, — всех менял, купцов, посредников, банкиров, — вы, как Христос бичом, гоните вон из Храма Жизни. Не место там кровопийцам, жжецам, банкирам. И, освободившись от пут небесных и оков земных, постройте мир Труда, где не было бы места для разрушения, а лишь для Творчества, Довольства, Радостей и Любви».

Услышав такие слова, поп, буржуй и генерал поспешили удалиться. А голос продолжал:

«Один только голос возмущенца заставил исчезнуть и скрыться быстро попу, буржуя и генерала. Только на глубинах угнетенных и на предрассудках униженных могли они держаться до сих пор. Но в день, когда угнетенные и униженные отрешатся от предрассудков и возмутятся против своих паразитов, мир примет новый вид и люди заживут другой лучшей жизнью, где люди будут братья и все богатства будут для всех людей. Люди тогда станут творцами жизни, и на земле будет царствовать не Бог, не Сила и не Власть, а Радость, Довольство и Любовь».

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

В. А. 18 июля 1932 г.

Несколько слов по поводу невоздержности языка.

НЕДАВНО в одном из анархических органов, издающихся за рубежом, появилась громовая статья, принадлежащая, казалось, перу самого... Фариначчи.

Статья эта провозглашает беспощадную и утонченную месть фашистам, грозя им зверскими насилиями и расправой, рисуя поповзобретенные, неслыханно — ужасные пытки, перед которыми бледнеют прославленные ужасы испанской инквизиции и фашистских застенков. И словно войдя во вкус этих садистских настроений, наш автор проживающий, кстати сказать, в полной безопасности за границей, выражает даже пожелание, чтобы фашисты «продолжали с еще большим усердием свое кровавое и безумное дело».

Такого рода красноречие выразило справедливый протест со стороны тов. Луиджи Бертони, который в Женевском «Пробуждении» («Le Risveglio») видит «темную закуску, навешенную определенными буйными строками».

В действительности, для того, кто знаком с психологией наших товарищей, драпирующихся в мантию свержанархизма, во всем этом нет ничего неожиданного или неясного. Не раз подымался вопрос о подобных буйных из среды задорных юнцов, которые, будучи, по существу, весьма добродушными и кроткими, даже немного робкими, любят напускать на себя вид мрачных и отчаянных субъектов.

С сожалением, манера делать свирепое лицо и говорить зверским языком свойственна не только Муссолини, но является нашей плачевной национальной чертой.

В общем это не более как грубая риторика, но плоды ее могут оказаться весьма пагубными, ибо она вкладывает новое оружие в руку врага, отнимет у нас ореол морального превосходства, в котором наша главная сила и отделяет нас от масс, которые потому именно и ополчаются против фашизма, что они слишком устали от насилий, и несомненно оказались бы против нас, если бы им дали повод думать, что наша победа повлечет за собой новый период резни.

С другой стороны, если бы дело касалось

не дурной риторики, если бы строки эти действительно отражали те чувства, настроения и лозунги, к которым они призывают, то мы считали бы своим долгом отметить здесь же, что автор их не является анархистом ни с моральной, ни с политической точки зрения.

Ибо в моральном отношении вполне очевидно, что дух ненавистничества и мести, лежащий в основе всякой авторитарной организации общества, не может быть источником любви и гармонии, и, следовательно, неприемлемы для истинного анархиста.

Политически же не менее ясно, что низвержение правительства и полицейского режима возможно только путем условий, если мирное существование станет общим законом социальной жизни.

Насилие и месть, бесспорно, свидетелем ствояли бы о жгучей ненависти, которую возбудили против себя фашисты; но если бы расправы эти продолжались слишком долго, если бы они свелись к ряду неизбежно изолированных и плачевных попыток, и помешали систематическому процессу строительства, руководимого и вдохновляемого революционерами, то народные массы, нуждающиеся прежде всего в том, чтобы жить и трудиться в мире, внезапно потребовали бы сильной власти и пошли бы за первым солдатом, который сумел бы дать им возмездное спокойствие, хотя бы ценою свободы.

С другой стороны, если бы мы пожелали провести на практике эту братоубийственную программу, то мы вынуждены были бы создать военную организацию, иначе говоря — государство и сильную власть.

В виду этого мы позволяем себе просить наших друзей — не стараться казаться хуже, чем они есть в действительности, и не дискредитировать дорогое им дело.

Нам необходима энергия, решимость померяться силами с врагом, непреклонная воля к раскрепощению и готовность воспользоваться для этой цели всеми представленными возможностями и средствами; но такую энергию революционного порыва отнюдь не следует отождествлять с жестокостью и зверством.

Э. Малатеста.

Несколько слов о наших общих задачах.

Любая историческая эпоха в развитии человечества ясно говорит о том, что она в такой же мере является продуктом человеческого творчества, в какой, с другой стороны, сама известным образом вырабатывала черты того или иного материального и духовного человеческого быта. Наблюдать этот двусторонний процесс на протяжении человеческой истории — чрезвычайно поучительно для нашего времени. Совершенно новые и неожиданные перспективы открываются перед нами, когда мы видим ныне, как занятия производительным трудом работники, сознательно — в широком синтезе — объединяя открытия и достижения современности с естественным (или вернее — приближающимся к природе) образом жизни, осуществляют все эти завоевания в творческом направлении.

Но, до сих пор все это является уделом чувств и мыслей одних лишь сильных и передовых умов. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы достижения эти сделать доступными широким массам.

Здесь же, однако, и начинаются ошибки.

Организации в виде учреждений, носящих более или менее принудительный характер, являются всесторонним препятствием. Организация есть единство (единосущность) известного целого. Человеческое общество — организация. Но если это так, то всякие отдельные «союзы» и партии не представляют собой организации, то есть члены их еще не организованы. (Людей, которые по идейным основаниям стремятся к развитию и освобождению человечества и, следовательно, не противодействуют этим целям путем разделения его на касты и классы, можно уже теперь рассматривать как объединенных и

организованных в человечестве).

В неправильном — по старым шаблонам — подходе к делу организации заключается, несомненно, величайшее зло нашего времени.

— «Вступайте в единую спасающую церковь нашей партии», — это означает, что каждая партия борется лишь за свое собственное существование. Это тем более так, чем больше в ней господствуют взгляды с властническим духом и с соответственными этому духу целями.

Здесь мы, как подлинные анархисты, должны разрушать, чтобы иметь возможность созидать заново в широком смысле: созидать, не втискивая людей, и без того совершенно потерявших голову от обилия всяких зазываний, в пагубные так-называемые «организации», отмеченные старыми привычками и обычаями.

Свободные сходы и собрания, свободные союзы и объединения, свободные общины — такова цель. Свободно распространять наши идеи — только таким путем можем мы действовать, если организация является естественным образованием и таким остается.

Только тот, кто не в силах двигаться самостоятельно, нуждается в опоре; только «опорой», — яко-бы средством, ведущим к цели, — является формальное механическое членство в организации. Но как легко такое членство становится самоцелью!

Сколько тяжелого, досадного, нелепого и мешающего отпало бы, если бы личности организовывали человечество в свободные объединения.

Таков, во всяком случае, намечающийся для нас путь к цели.

Р. Боргман.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МАРШ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Да будет вшпелен и этот шпировый
— цвекот в венок, брошенный
мировой революции [на алтарь

Я поджигатель, я разрушитель,
Хочу поджечь я этот мир,
Насилья, лжи и лицемерья —
Хочу я сокрушить кумир!..
Я поджигатель, я сокрушитель,
Я презирающий застой,
Рутины враг — я побудитель,
Зовущий со злом вступить в бой!
В бой, в бой, в смертный бой!
Все в сторону долой!

Прочь, безжалостно, все прочь!..
Освещу я эту ночь
Огнем пылающей руины,
Мра рухнувшего от мины,
Подложенной моей рукой, —
Сигнала в бой, в смертный бой!

Я поджигатель, я разрушитель,
Хочу поджечь я этот мир,
Насилья, лжи и лицемерья, —
Хочу я сокрушить кумир!

Подайте больше динамиту,
Опору сильных и защиту
Властелинов и тиранов,
Под звуки труб и барабанов
Комуфлет я подложу —
И мир дряхлый, ненавистный,
Злой, жестокий и корыстный
Рукою собственной взорву!

**

Я поджигатель, я разрушитель,
Я презирающий застой,
Рутины враг — я побудитель,
Зовущий со злом вступить в бой.

* * *

В этом треске, в этом взрыве
Заглушу я стои людской,
Чтобы в страстном сем порыве
Безопасно со злом вступить в бой.
В бой, в бой, в смертный бой!
Все в сторону долой!

Прочь, безжалостно все прочь!
Освещу я эту ночь
Огнем пылающей руины
Мира рухнувшего от мины,
Подложенной моей рукой, —
Сигнала в бой, в смертный бой!..

* * *

Я поджигатель, я разрушитель,
Хочу поджечь я этот мир,
Насилья, лжи и лицемерья
Хочу я сокрушить кумир!..

М. Д.

Раков.

БОГАЧИ

Укажи мне таких богачей,
Я их в мире еще не встречал,
Чтоб крестьянина нищего - брата
Себе равным созданием считал!
Все глядят на крестьян с отвращением!
И для них покалуют гроша
И не дрогнет к мужику сожалением
Зараженная грязью душа.

Богачи набивают карманы
И в роскошных палатах живут,
Бедняки только терпят из'яны,
Не по силам налоги несут.

Богачи тратят тысяч десятки
На еду для собак, лошадей,
А бедняк нашивает заплатки
На убогой одежде своей.

Богачи не увидят печали
И не встретят забот никаких,
А припасы коль дороги стали
Они втрое заплатят за них.

А скажи мне по правде, по чести,
Как крестьянин живет на земле?
В гнилой хате с скотиною вместе
Окруженный семьею больною.

Летом пот с него льется кровавый,
Когда землю он пашет как вол,
Но когда же на Руси, боже правый,
Прекратится такой произвол?!

М. Иванченко.

Хочу быть таким, каким никогда я не был,
 Чтобы тело, как ветер, глаза, как огонь...
 Эй! Конь Революции, Пламенный Конь!
 Топчи копытами небо.

Хочу, чтобы тело, как ветер,
 Хочу, чтобы глаза, как огонь,
 Хочу, чтобы на белом свете
 Безумствовал Огненный Конь.
 Чтоб, вдруг, содрогнулись святыни,
 Чтоб пал в иступлении бог,
 Чтоб мир разъяренный пустыней
 Взметнулся у конских ног.

Рыжий Пламенный Конь Революции
 У порога столетий хранит.
 Храмы Будды, Христа и Конфуция
 Жду удара житейских копыт.

Конь Рыж — над Яростной Бездной,
 И Огненный Меч над Головою Коня.
 В день Революций Свобода воскреснет,

Песней в людских потоках звеня.
 В День Революций заметят многие
 На небе выплывший символ Креста,
 Узнают черты Спасителя строгие

В очертаниях Бога - Коня.
 На время забыв о покое и беге
 И факел желаний возжегши в груди,
 Очнутся все люди в бушующем беге
 И к Воле запретной отыщут пути.
 И внемя призывам земле сотрясенной
 Смертельным потоком стремительных ног,
 Мятельные рати поднимут Знамена
 Великих Дерзаний и Светлых Тревог.
 Родится порыв неизведанной мощи,
 Прольется восстание бесчисленных масс,
 И Конь - Богобор всех суровей и проще
 Проржет Отомщенья Решительный Час.

Анатолий Консе.

ЗАГОРЕЛАСЬ БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Загорелась борьба за свободу...
 С ружьями, вилами, лопатами, палками
 Бросились все в кровавую схватку:
 «Держись братва!» Бой кипит,
 Скрежещут зубы, кровь горит,
 Друг другу в шею впились зубами,
 Грызут и душат, режут ножами.

Борьба горит, борьба кипит:
 — «Бей его, Бей!.. Руби!.. Коли!..
 Стоны, крики и море крови,
 Ужас и смерть повсюду царит.

Загорелась борьба. Люди как звери —
 Мечутся, ищут кого бы убить,
 Всюду мерещатся враги, изуверы,
 Над всеми властвует кровавое мстить.
 «Вставай, проклятем заклейменный»...
 Коммунист иступленно кричит,

«Вы жертвою пали... «Споемте-же братья».
 Как эхо повсюду Интернационалу вторит.
 Загорелась борьба за свободу,
 За Правду, за Братство,
 За Жизнь - Любовь,
 А кругом море крови,
 Ужас, убийство,
 И крик звериный: «Да здравствует террор!»

Борьба горит. Борьба кипит.
 Со всех сторон народ спешит,
 С страшным криком, криком смерти,
 На бой спешит, на бой бежит...

Проснитесь-ж, люди, проснитесь звери!
 Пора проснуться, ведь кровь кипит,
 В своих волнах, в своих потоках
 Готова всех вас потопить.

Анатолий Горелик.

Харьков. Вукрчека

Наполеонам — Большим и малым.

САША ПЕТР.

Промчался быстро целый век
С тех пор, как ты скончался;
И над людьми «сверх - человек»,
Ты властно ввысь поднялся.
Пред гордым образом твоим,
И пред печальным, роковым,
Стремительным паденьем, —
Весь мир с склоненной головой
В безмолвном изумленьи
Стоит огромною толпой,
Во прах склонив колени.
Твоим сражениям хвалы
Твердит их детский лепет;
Твой капралы и орлы
В святой приводят трепет.
Но пусть, как рой, к тебе летят
Хвалы и слава века,
Пускай рабы тебя рядят
В мундир «сверх-человека».
Пускай! Но мир иной придет —
Свободный, величавый...
Он оценит тогда, поймет
Твой тусклый блеск кровавый;
Поймет вполне, что не высок
Был трон твой и держава;
Что кровью залит твой венок
И трупом пахнет слава!
Ты б людям мог помочь разбить

Проклятые оковы
И ярким светом озарить
Их вечный мрак суровый.
Помочь им возвести чертог
Свободы, счастья зданье;
Что б мог великим быть, что б мог
Свершить свое призванье,
Но ты, ты, как палач, казнил
Священный цвет свободы
И затоптал и задавил
Ее благие всходы.
И светлый дивный идеал
Замученных народов
Сжигать рукой преступной стал
В огне своих походов.
Ты их страдания презрел,
Не облегчил их муки
Иной пришел тебе удел
Иные звали звуки...
Покойся! но пока наш век
Не воссияет новый,
Пока страдает — человек
Влачить будет оковы,
Пока их мрачный дикий звон
Греметь над миром будет, —
До тех пор пусть несчастных стон
Тебя, твой век, Наполеон,
Укором грозным судит.

Эррико Малатеста о революции.

(Выдержки из статей, приведенные в книге М. Неттлау: "Эррико Малатеста. Жизнь анархиста")

«...Как часто нужно повторять, что мы никому ничего навязывать не хотим, не считая ни возможным, ни желательным осчастливить других посредством насилия и стреляя лишь к тому, чтобы никто не навязывал нам свою волю, чтобы никто не был в состоянии навязывать другим формы социальной жизни, не воспринятой добровольно?»...

«Мы являемся подлинными эволюционистами, поскольку мы хотим завоевать для человеческого общества условия свободного развития и стремления, разрушить органы насилия и эксплуатации, которые удушая всякое свободное проявление как индивидуальной, так и коллективной инициативы, стоят на пути естественного развития, задерживая его и вредя ему в интересах тех, которые достигли, в процессе истории власти и социальных богатств».

«Мы — коммунисты потому, что считаем коммунизм формой социальной организации, гарантирующей наилучшим образом индивидуальную свободу и довольство для всех».

«Но мы думаем, что насильственно навязанный коммунизм окажется самой ненавистной тиранией, которую только можно себе представить; он вызовет упадок свободного духа и закончится возвратом к буржуазному индивидуализму».

«Что мы хотим провести насильственно — это экспроприацию орудий производства, лишаящую владельцев имущества и тем самым вынуждающую их работать; а также, естественно — разрушение аппарата государственного насилия, без чего и экспроприация и следующее за ней социальное переустройство в пользу всех, соответственно многообразным и изменяющимся желаниям его участников, будут невозможны».

«Когда правительство низвергнуто, когда орудия производства находятся в руках рабочих, когда исключена возможность появления нового правительства, навязывающего новые законы, создающие новый привилегированный класс — тогда революция станет развиваться, следуя по пути, намеченному пра-

ктической необходимостью, который будет постепенно видоизменяться посредством свободного эксперимента. Тогда революция даст немедленно то, что она может, т. е., что массы, (включая работников умственного труда, пропагандистов, технических специалистов и т. д.) будут в состоянии осуществить при системе широчайшего федерализма как в топографическом смысле, так и в отношении разделения функций»...

(25 августа 1920 г.).

* * *

«...Угрожающие революции опасности происходят не только со стороны реакционеров, призывающих иностранное вмешательство, составляющих заговоры для восстановления старого порядка; они заключаются, главным образом, в возможности вырождения революции; они исходят из среды революционеров сегодняшнего и вчерашнего дня, сохраняющих в себе буржуазное мышление и чувство, готовых свернуть революцию с пути равенства и свободы на совершенно другую дорогу».

«Если думают, что рабочий класс неспособен противостоять реакционерам, бывшим буржуа, без помощи диктатуры, которая как бы она ни называлась, неизбежно обратится в военную диктатуру, в таком случае нужно согласиться с тем, что пролетариат не будет в состоянии противостоять захвату власти и вытекающим отсюда реакционными последствиям. В таком случае можно сказать: «Революция, прощай!»... Если пролетариат позволит набросить на себя ярмо диктатуры и обманчивой надежды, что она будет служить его интересам, то с ним случится то же самое, как с лошадью в басне: она, однажды, чтобы лучше преследовать оленя, позволила человеку оседлать и взнуздать себя... и с того дня стала рабыней человека. Диктатура началась бы с образования вооруженной организации, готовой к ее услугам, могущей также служить против возможных нападений и понозваний реакции; но главной задачей ее будет насильно навязывать волю диктаторов, предоставив

таким образом, возможность удержаться им у власти более или менее продолжительное время. Она доверит все общественные функции людям, которые будут ей покорно служить, она предоставит своим друзьям привилегированные места и создаст кадры профессиональных солдат и чиновников, которые будут поддерживать правительство, состоящее из людей не имеющих в себе ничего революционного. Большие оклады, прибыльные места, государственная служба, связанная с большими доходами — все это поведет к восстановлению индивидуальной собственности... итак, мы окажемся опять у исходного пункта».

«Если коммунисты хотят вместе с нами работать или, если им это больше по душе — хотят нашего сотрудничества в подготовке и проведении восстания, то мы всегда к этому готовы. Если они после победоносного восстания оставят за нами свободу, то мы еще можем сговориться насчет того, чтобы каждый из нас проводил свои эксперименты с минимальными требованиями. Если же соглашение не состоится, то мы примем меры к тому, чтобы нас уважали».

«Но если вместо всего этого коммунисты ставят условием совместной работы с анархистами принятие их программы и подчинение партии, тогда лучше больше об этом не говорить и каждому действовать за себя».

(27 Августа 1920 г.)

* * *

«...Мы анархисты желаем, чтобы рабочие каждой местности, точнее наиболее сознательная часть рабочих, проникнутых духом инициативы, обладали бы всеми орудиями производства, всеми богатствами — землей, сырьем, домами, машинами, средствами питания и т. д. и, по мере возможности, проложили бы дорогу новым формам социальной жизни. Мы хотим, чтобы крестьяне, работающие теперь на помещика, отказали в признании за ними такого права и интенсивно работали бы для своих интересов, связавшись с индустриальными и транспортными рабочими для обмена продуктов. Мы хотим, чтобы индустриальные рабочие, до инженеров и техников включительно, овладели фабриками и продолжали бы интенсивно

работать для усиления производства предметов широкого потребления; чтобы рабочие безостановочно продолжали бы работать на железных дорогах в пользу общества; чтобы комитеты из добровольцев и выборных, под непосредственным контролем массы, овладели бы всеми домами и, насколько позволяет момент, удовлетворили бы всех нуждающихся кровом; чтобы другие комитеты, опять таки под непосредственным контролем массы, заботились бы о снабжении продовольствием и распределением, поставив буржуазию перед необходимостью слиться с массой и, работая, довольствоваться теми же благами как и другие. И все это надо сделать быстро, в день победного восстания или же на другое утро, не ожидая приказов из центральных комитетов или каких бы то ни было других авторитарных источников...

(Август 1920 г.)

* * *

«...Допустим, что монархия пала. Армия не оказывает сопротивления или братается с народом; полиция рассеялась; правительство, включая короля, низвергнуто, или бежало».

«Излишне останавливаться здесь на том, как может начаться и развиваться движение путем ли вооруженных схваток с защитниками государства или посредством захвата рабочими фабрик и т. д., благодаря чему вооруженное столкновение отступает на второй план».

«Правительство пало! Что делать?»

«После низвержения монархии, когда исчезнут полицейские институты, когда армия разбежится, мы не признаем никакой новой власти, особенно центрального правительства, притязającego на управление и регулирование движением. Мы предложили рабочим овладеть всеми недрами и поверхностью земли, фабриками, железными дорогами, пароходами, одним словом, всеми орудиями производства с тем, чтобы как можно скорей поставить его на новых началах; уничтожить, раз и навсегда, вредную и бесполезную работу; временно приостановить выделку предметов роскоши; приложить максимальные усилия к производству предметов питания и широкого потребления. Мы пред

ложим также рабочим собрать все имеющиеся продукты с целью их экономичного расходования соответственно возможностям данного момента, организовав как местное потребление, так и обмен с дальними и ближними местами на основах справедливости. Мы постараемся, чтобы никто не остался без крова, воспользовавшись пустыми и малонаселенными домами; каждый будет иметь жилое помещение, соответственно плотности населения. Мы поспешим разрушить банки, биржи и все, чем держится государственная власть и капиталистические привилегии; мы постараемся создать такой порядок вещей, при котором немыслимо будет восстановление буржуазного общества».

«Все сказанное и прочее, необходимое как для удовлетворения общих потребностей, так и для развития революции будет совершаться добровольно, посредством всякого рода комитетов, социальная жизнь будет координироваться местными городскими, областными и национальными кон-

грессами, осуществляющими свои решения на договорных началах, не имея, однако, ни права, ни возможности навязывать свою волю посредством насилия; они найдут поддержку лишь в деятельности, соответствующей нуждам момента и пользе участников».

«Прежде всего, никаких жандармов, каким бы именем они ни прикрывались! Только добровольная милиция, не вмешивающаяся в гражданскую жизнь, создаваемая на случай отпора вооруженному выступлению реакционеров или нападению тех стран, которые еще не захвачены революцией».

«На практике эти мероприятия, конечно, подвергнутся изменениям, так как анархисты, не составляя большинства населения, не станут, если бы и могли, навязывать силой свои идеи. Уважая волю других, стремясь к мирному сожительству, анархисты, во всяком случае, потребуют себе полную свободу пропаганды и эксперимента»...

Перевод с немецкого.

БЛАГОДАРНОСТЬ ТОВ. ГОРЕЛИКУ

Федерация групп «Пробуждение» приносит глубокую благодарность тов. А. Горелику за перевод и присылку статей следующих авторов: Р. Рокера, Ф. Лундски, Педро Гори и Э. Малатесты.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

СКАТТСБОРСКОЕ ДЕЛО.

В Декатур, Алабама, во второй раз приговорен к смертной казни девятнадцатилетний негр, по известному Скаттсборскому делу девяти негритянских юношей, однажды уже осужденных к смерти. Приговор по этому делу был отменен высшим федеральным судом. Белая толпа при вторичном разборе дела решила не отступать от своего первоначального решения расправиться с беззащитными неграми, виновность которых вызывает сомнения потому, что одна из «изнасилованных» девушек заявила на суде, что обвиняемые были ложно оговорены ею и другой девушкой.

Несмотря на энергичную защиту в лице ньюйоркского адвоката, Лейбовича, белые присяжные заседатели не отказались от расового предубеждения. Только один из присяжных упорствовал, и на его уговоры остальными присяжными потребовалось 22 часа. В результате — смертный приговор. Скаттсборское дело вскрыло многие темные стороны американской демократии. Защита на суде установила, например, что в штате Алабама «равноправное» чернокожее население не допускается белыми в состав присяжных заседателей. Дела остальных скаттсборцев отложены на неопределенное время в виду вызванного первым процессом возбуждения белого населения, не обеспечивающего беспристрастности суда.

* * *

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ИСПАНИИ.

Испанское социалистическое правительство, так же как большевики и фашисты, беспощадно расправляется с народом.

В Казе Виежасе, где была произведена попытка провозглашения безвластной коммуны, в вооруженной стычке с милицией было убито два милиционера. Посланная карательная экспедиция действовала беспощадно. После высадки в Казас Виежаса солдаты застрелили первого попавшегося им на улице крестьянина.

Затем приступили к массовой экзекуции. Заходили в каждый дом, производили

обыск и каждого поголовно избивали. Более 20 человек расстреляли. Семидесятилетний анархист Сендерос, запершись с семьей в доме, оказал вооруженное сопротивление. Дом был окружен отрядом солдат, обстрелял из пулеметов, в дело пускались ручные гранаты и, наконец, его подожгли. В огне погиб старик — анархист вместе со своей семьей. Чудесным образом спаслась только тринадцатилетняя внучка Либертария.

Как общее правило, в социалистических застенках арестованных анархистов и синдикалистов подвергают самым жестоким побоям и издевательствам. Дух инквизиции все еще жив в республиканской Испании.

* * *

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РУДОЛЬФА РОКЕРА.

Международное анархическое движение отметило 25-го апреля шестидесятилетие со дня рождения известного германского анархиста Рудольфа Рокера.

Этот переплетчик по профессии, человек большой эрудиции, приобретенной упорным самообразованием, прекрасный оратор и блестящий публицист, является одним из выдающихся работников мирового анархического движения. Находясь в изгнании в Англии, Р. Рокер изучил в совершенстве еврейский язык и был редактором еврейской анархической газеты.

По высылке из Англии в конце войны, Рокер возвращается в Германию, и здесь отдается анархической работе среди немецких рабочих. Он дважды посетил Соединенные Штаты, где прочел много лекций. Его перу принадлежат четыре больших книги: «Джон Мост», «Шесть великих людей в мире литературы и искусства», «Жизнь в концлагере» и «Расовый и национальный вопрос». Его многочисленные газетные и журнальные статьи об анархизме, его вдохновенные лекции и другая работа на анархической ниве имеют первостепенное значение для анархического движения.

Дикий фашизм снова принудил маститого анархиста к эмиграции. Воистину нет пророка в отечестве своем.

ДАЖЕ ГРИН НЕДОВОЛЕН.

Лидеры Американской Федерации Труда недовольны создавшимися в их организации положением, а рядовые члены этой организации недовольны профсоюзной бюрократией, получающей министерские оклады и печующейся депрессии.

Но черные дни приближаются и для трудящихся бюрократов. Членский состав А. Ф. Т. с 5 миллионов в 1920 году уменьшился до 3,3 миллиона в 1931 году. Грин плачет, что в стране 12 миллионов безработных, путает правящий класс даже революцией и требует социального страхования от безработицы.

Лидеры Американской Федерации Труда наперебой стараются доказать правящему классу, что они единственные люди, которые могут предупредить революцию в стране, если только капиталисты и власти будут соговорчливее с ними. Если правящий класс поможет профсоюзной бюрократии, то она поможет капиталистам в смысле борьбы с революционным движением, развивающимся и среди трудящихся под давлением все усугубляющейся в стране безработицы.

* * *

МУНИ ОПРАВДАН, НО МУНИ В ТЮРЬМЕ

Калифорнийский суд задним числом установил невиновность и непричастность Т. Муни к делу о взрыве, по которому он был приговорен к смертной казни вместе с Биллингсом, замененной пожизненным тюремным заключением.

24-го мая сего года суд снова вернулся к этому делу. По настоянию защиты, слушалось дело по обвинению Т. Муни в убийстве одного из участников патристического парада, скончавшегося впоследствии от полученных во время взрыва ранений в 1916 году, за смерть которого Муни не судили по недосмотру властей, считавших, что Муни, уже осужденный за смерть других участников парада, все равно живым из тюрьмы не выйдет.

Во время вторичного разбора того же самого дела власти не могли представить никаких данных в пользу обвинения Муни, и суд присяжных заседателей вынес ему оправдательный вердикт.

Таким образом, при вторичном рассмотрении судом присяжных одного и того же дела о взрыве, Муни реабилитировали. Это, однако, не отменяет первоначального приговора, и Муни все еще остается в тюрьме.

Вынесение оправдательного вердикта, по мнению защиты, будет иметь важное значение при возбуждении в высшем федеральном суде ходатайства об отмене, или рассмотрении первоначального приговора. Все еще предстоит упорная и затяжная борьба за освобождение невинно томящихся в тюрьме людей, которые были приговорены к смертной казни, как уже хорошо установлено, по сфабрикованному полицией обвинению.

Калифорнийские власти и капиталисты не хотят выпускать на свободу Т. Муни, которого они решили замучить в тюрьме, как ненавистного им радикала.

* * *

ГОНЕНИЯ НА АНАРХИСТОВ.

«Свободолюбивые» французские политики и «радикальное» французское правительство прилагают все усилия к тому, чтобы очистить «демократическую» Францию от «нежелательных элементов, и в особенности от анархистов. Во Франции проживает значительное число итальянских анархистов, бежавших сюда от фашистских преследований. В угоду ли фашистскому правительству Муссолини, или по собственному почину, французское правительство подвергает всяческим гонениям итальянских анархистов с целью принуждения их к оставлению пределов Франции.

Итальянский анархический еженедельник в Париже «Уманита Нова» прикрыт правительством. Вместо него стал выходить еженедельник под заглавием «Ла Протеста». Но и это новое издание вряд ли будет оставлено в покое французским правительством, угождающим Муссолини.

* * *

И В АВСТРАЛИИ БОЯТСЯ АНАРХИЗМА.

Австралийское правительство закрыло анархический ежемесячный журнал «Гвангардия Либертария», выходящий на итальянском языке.

ТЕРРОР В ГЕРМАНИИ.

Германские фашисты изводят крамолу. Хватают всех подозрительных и беспощадно расправляются. Никто не уверен в том, что он не станет жертвой кровавого фашизма. Тюремные переполнены, появились концлагери. Нередки убийства при «попытке к побегу», или «самоубийства» вроде сбрасывания с девятого этажа намеченных к истреблению жертв.

Преследованиям подвергаются все инакомыслящие люди, не примкнувшие к фашистам. Производятся форменные погромы на интеллигенцию, а особенно на евреев, на которых изобретательные наци сваливают все грехи кайзеровской политики, приведшей Германию к поражению.

Мировое общественное мнение встревожено дикими фашистскими погромами и возрождением воинственного духа в Германии, которое может привести к новой войне в Европе.

Несмотря на всевозможные успокоительные заявления дипломатов, в Европе создается все более напряженная атмосфера, не предвещающая ничего утешительного.

* * *

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ АНТИМИЛИТАРИСТОВ ВО ФРАНЦИИ.

Французский военный суд за отказ от военной службы приговорил: тов. Баулю к году тюрьмы (во второй раз), Шарля Луне, Гоя и Мартина к году тюрьмы каждого и Вальтера Пфестигера — к шести месяцам тюрьмы. Случаи отказа от солдатчины учащаются во Франции.

* * *

ПРОДАЖА АМУНИЦИИ.

В истекшем году Англия продала Китаю 7,735,000 патронов и 5,361,450 патронов Японии; сильных взрывчатых веществ продало Китаю 140,000 кг. и Японии — 250,000 кг. Кроме того, Китаю и Японией произведены в Англии закупки различной амуниции и вооружения на значительные суммы.

* * *

ГОЛЛАНДСКИЕ ВРАЧИ ПРОТИВ ВОЙНЫ

Голландская Медицинская Ассоциация, к которой принадлежит 4,200 докторов, в посланной на имя Женевской Разоружительной Комиссии телеграмме осуждает войну и

требует принятия мер к предупреждению таковой.

Три голландских врача Мерсинг, Бол и Каген заявили, что они ни в какой форме не будут принимать участия ни в войне, ни в подготовке к ней.

* * *

«ПРЕСТУПНАЯ ТРОЙЦА».

Нью-йоркский «Кларион» пишет: «Москва, Рим и Берлин теперь три «Пятна красоты» на горизонте европейской политики. Сталин ведет, Муссолини (следует, в то время, как Гитлер поддерживает арьер-гард. Три немного различных школы, ставящие государство превыш всего, а население превратившие в ничто. Народ средство, в то время, как государство — цель»...

«Большевизм, фашизм и нацизм в сущности идентичны, хотя и называются разными именами»...

* * *

ЗАЯВЛЕНИЕ

Группа «Вольная Мысль» просит нас, чтобы мы довели до сведения всех товарищей, которые вели переписку с ней, чтобы больше ничего не посылали по адресу «Вольная Мысль» — Калле Ричи 1537 Буэнос-Айерс, так как там теперь хозяином полиции. Как только будет получен новый адрес, мы тогда сообщим всем.

* * *

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

В январе с. г. в Рочестере организовалась анархическая группа «Свобода». Группа ставит своей целью вести анархическую и антибольшевистскую пропаганду среди рабочих посредством распространения литературы и устройства митингов, лекций и докладов.

Для достижения большей успешности в работе, группа считает правильной идею объединения всех различных анархических группировок в одну общую Федерацию с одним руководящим анархическим органом. Но пока этого нет, группа будет поддерживать материально и морально журналы «Пробуждение» и «Дело Труда» в надежде, что направление этих журналов станет определенно анархо-коммунистическим.

Секретарь группы.

В НАШЕМ СТАЛИНОСПАСАЕМОМ ОТЕЧЕСТВЕ ГОЛОД И ЛЮДОЕДСТВО.

Проклятая большевицкая диктатура довела СССР до страшного голода и людоедства. Большевики создали «железную власть», которая давит и сокрушает всякие попытки народа вырваться из сталинской петли.

Большевики довели государственный аппарат до такого совершенства и силы, что, по приказу из Кремля, сталинские башибузуки забирают у крестьян последнее зерно, ничего не оставляя им ни на пропитание, ни на обсеменение.

В результате — в богатейших частях СССР — на Северном Кавказе и Украине — поголовный голод. Обезумевшие от голода люди поели лошадей, скот, собак и кошек, и теперь дело доходит до людоедства.

Это не выдумка каких-нибудь досужих корреспондентов буржуазных газет, а страшная правда, которая доходит в Америку в полных отчаяния письмах обреченных на голодную смерть людей к своим американским родственникам и знакомым.

Переживаемые русским народом ужасы и бедствия кажутся чудовищными и невероятными, но это, к стыду и позору большевицкому, жуткая и неоспоримая истина.

В наш жестокий и эгоистический век не только человечество вообще, но даже мы, живущие в Америке, остаемся безучастными и равнодушными к воплям и стонам умирающих от голода, нам близких по крови людей.

Если когда-либо надо было бы высказать свой голос русской колонии и выступить с протестом против организованного Сталинского людоедства, то этот момент как раз сейчас и наступил.

Но мы, поглощенные своими маленькими повседневными заботами и делами, почему-то молчим, утратили способность к протесту и защите поруганных большевиками народных прав.

Надо возбудить к действию все живые силы русской колонии, надо расколоть все русские организации, и побудить их к протесту, к созыву масс-митингов, на которых требовать от советских правителей мобили-

зации всех средств и сил СССР на борьбу с голодом, на оказание помощи погибающему советскому населению.

Созывайте митинги и выносите резолюции в этом духе, направляйте их Сталину, Молотову и Калининну.

* * *

В ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ.

Муссолини хорошо расправляется со своими безоружными политическими противниками. Но эти расправы нисколько не улучшают экономического положения страны. Дюче испытывает большие финансовые затруднения. В текущем фискальном году ожидается дефицит в 153,000,000 долларов, несмотря на то, что налоги повышены на 76,000,000 долларов. Если помножить 153,000,000 долларов на 19 вы получите астрономическую сумму лир, в которой нуждается Муссолини.

Кто выручит дюче из финансовых затруднений — пока неизвестно. Во всяком случае не фашистская диктатура. Придется, повидимому, кланяться еврейским банкирам.

* * *

«НЕПОРОЧНЫЙ» РЕДАКТОР.

Редактор «Дело Труда» никак не может расстаться с очень удобной для него формулой: во всех своих и чужих грехах винить... пробужденцев и рассветовцев. Этим путем этот «праведник» блюдет свою непорочность. Благо, что есть еще на свете грешники, благодаря которым праведники могут выставить себя в выгодном свете.

* * *

ЗАЯВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ «ПРОБУЖДЕНИЕ».

Товарищи! Просим вас, чтобы вы больше не посылали нам чеков, а все деньги пересылали по почте (почтовыми денежными переводами), а также больше не посылали на журнал, а на имя секретаря, так как на почте очень трудно получить деньги, если присланы на «Пробуждение».

Все же письма и статьи высылайте на «Пробуждение», а почтовые денежные переводы направляйте на имя секретаря:

J. Cherny, 9219 Russell St., Detroit, Mich.

КО ВСЕМ АНАРХИСТАМ И СОЧУВСТВУЮЩИМ.

До нас дошли печальные слухи, что тов. Н. Махно, находящийся во Франции в настоящее время, очень нуждается в помощи. Один из наших товарищей пишет: «Я имею в виду тов. Н. Махно. Он живет все время в страшно тяжелом материальном положении. Работать, как настоящий рабочий, он совершенно не может и ему необходимо делать операцию, а, между тем, он буквально голодает.

У него все везде перебито и все везде болит, и больше того, некоторое время тому назад, у него хозяин запер квартиру и я не знаю, как сейчас перебивается».

Это некоторые выдержки из письма, которое мы получили из Франции. Не располагая никакими финансами, которые можно было бы использовать для помощи тов. Н. Махно, мы вынуждены обратиться к вам с просьбой прислать сколько можно для этой цели. Мы, конечно, понимаем, что сегодня каждый из вас переживает тяжелое время, но не нужно забывать и того, что наш долг и обязанность помочь тов. Махну, пострадавшему за дело революции и за идеал анархизма. Деньги можно направлять на комитет еврейских анархистов помощи Махно:

David Polakoff, 11, rue Geoffroy I,
Angevin, Paris 4-e France.

Или же на журнал «Пробуждение».

С товарищеским приветом

Федерация Групп «Пробуждение».

* * *

ОТЧЕТ

ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1932 г. ПО 1 МАЯ 1933 г.

Приход за журнал «Пробуждение».

Детройт, Мичиган	\$13.10
Филадельфия — группа через тов. Гренука	12.75
Канада — Союз Самообразование Виндзор	7.14
Кливленд — Группа через тов. Хрипливого	10.00
Бостон — С. Разуменко	1.50
Варрин — С. Медвиг	1.00
Гартфорд — Группа через Тов. Лавренюка	3.25

Бруклин — Б. Войтович	2.05
Пибоды — Ф. Левчук	1.85
Нью Кестл — М. Осипук	3.60
Канада — С. Сак	2.00
Нью Йорк — Кр. Д. Свободы	5.00
Мериден — Группа	3.25
Рочестер — Группа «Свобода» через тов. Лазарева	2.50
Канада — Группа Торонто	3.28
Эмбридж — П. Руль	1.50
РОМ — Я. Ш.	1.00

Всего\$75.04

* * *

Добровольный фонд:

Нью Йорк — Кругок Друзей Свободы	\$20.00
Детройт — Подписной лист № 47....	10.55
Ленсинг — Н. Иванов	5.00
Ленсинг — Н. Гванов	5.00
Ревеград — Н. Жук	5.00
Ист - Палестина — П. Ковальчук	3.00
Интернэшннал Фоллс—И. Степовой	3.25
Гардтфорд — Я. П.	3.00
Филадельфия — Е. Ярмолевич	2.00
Акрон — П. Бирюков	1.00
Ром — И. Шмигель	1.00
Детройт — Е. Павлов	1.00
Бразилия — П. Ильченко	1.00
Детройт — С. В. С.	1.00

Всего\$62.80

Поступило в фонд тов. Н. Махно....\$23.00

Подписка на «Пробуждение».....7.00

Итого\$167.84

* * *

Расход:

Издание журнала	\$70.00
Почтовые расходы	31.10
Выслано тов. Н. Махну	10.00
Перевод статей	7.50

Итого\$118.60

Общий приход\$167.84

Общий расход118.60

Осталось в кассе.....\$49.24

Так как в прошлом номере дефицит был \$89.36, то еще дефициту остается—\$40.12.

Комиссия: С. П. А. О.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
"Пробуждение".

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" про-
сит поэтому товарищей присылать нам кратко
сообщения, заметки и корреспонденции об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подписа-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения безвластных идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.